

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Окунев

Непал для братвы

Сергей Окунев
Непал для братвы

«Автор»

2009

Окунев С. Н.

Непал для братвы / С. Н. Окунев — «Автор», 2009

Эпоха братков, отраженная в книгах увы... закончилась! Однако они многому научились и многое поняли и готовы к новым подвигам! Не стареют душой ветераны!!! Содержит нецензурную брань.

© Окунев С. Н., 2009

© Автор, 2009

Активно действующие лица

АНТОН – Антоном Антон
АНТИФАШИСТ – Белинский Дмитрий
АРМАГЕДОНЕЦ – Могильный Василий
БЭТМЕН – Акоюн Г рант
ВАЗЁЛИНЫЧ – Молодцов Павел
ВИННИ – Ковальский Павел
ГОРЫНЫЧ – Колесников Даниил
ГОБЛИН – Чернов Дмитрий
ГЛЮК – Клюгенштейн Аркадий
ГУГУЦЭ – Евгеньев Борис
ДИ-ДН-СЕВЕН – Белкин Константин
КАБАНЫЧ – Николаев Андрей
КОМБИЖИРИК – Собинов Георгин
ЛА ШЕНЕ – Берсон Игорь
ЛЫСЫЙ – Альтов Роман
МИЗИНЧИК – Кузьмичев Павел
НЕФТЯНИК – Берестов Анатолии
ОРТОПЕД – Грызлов Михаил
ПАНИКОВСКИЙ – Кидиашвили Алексей
ПАРАШЮТИСТ – Рузин Константин
ПЫХ – Раевский Александр
САДИСТ – Левашов Олег
СТОМАТОЛОГ – Иванов Станислав
ТУЛИП – Александров Сергей
ТЕЛЕПУЗ – Штукеншнейдер Григорий
ФАУСТ – Тамм Оскар
ЦИОЛКОВСКИЙ – Королев Андрей
ЭДИСОН – Цветков Дмитрий
РЫБАКОВ-младший – Денис («Сухарь»)
РЫБАКОВ-старший – Александр Николаевич

Пассивно действующие лица

Милиция, МВД, таможенники, чиновники всех рангов

* * *

Денис Рыбаков с определенным личным интересом редактировал переведенную статью об ужасах, которые – по мнению «зеленых» – в ближайшие годы должны обрушиться на Землю и стереть весь род людской. Его трудовая книжка лежала в небольшом бюро переводов «Перевертыш», где он числился внештатным сотрудником. Брался за перевод и редактирование занудных экономических и экологических статей, не спорил по поводу оплаты и был весьма уважаем немногочисленным штатом, в основном выпускников филфака Ленинградского университета, где когда-то учился и сам Денис. Сие сугубо интеллектуальное занятие было прервано тактами мелодии «Мост через реку Квай», столь любившейся братан-скому коллективу, что все внутренние звонки сопровождались только ею. Как это удалось сделать Эдисону, никто особенно не интересовался, но все были довольны. А что еще надо реально сплоченному коллективу? На экране мобильного замаячило озабоченное лицо Антона.

– Слушай, Денис, – без предисловий начал он, – я тут получил кой-какую информацию отнюдь не оптимистического толка, хотелось бы с тобой кое-что обсудить. Когда сможешь подъехать?

Денис подумал.

– Особых дел не предвиделось – так, что-то по мелочам, бытовое.

– Давай сегодня после восемнадцати, – сказал он, – выгуляю Рича и, как штык на бронзовой скульптуре красноармейца, буду у тебя.

– Лады, – на экране Антон кивнул головой, что было немножко забавно – по мультяшному, – подошло к этому времени наших, чтобы случайных задержек не было. А то ежели кому из братанов поручить, так они за тобой либо целый эскорт с мигалкой подгонят, либо по дороге в очередную историю кто попадет, и в итоге вместо дела у нас очередное цирковое представление будет. Веселуха, конечно, но не ко времени.

Денис отключил мобилу и вернулся к тексту. Как в абсолютном большинстве подобных опусов, действительных фактов было немного, больше маловероятных и малограмотных гипотез, но настораживало увеличение частоты появления подобного. Явно хорошо проплаченная информационная кампания! И здесь, Денис чувствовал это нутром, можно и бабки неплохие срубить, и определенным образом легализоваться. Главное – понять, кто за всем этим стоит. Тут вырисовывается интересная закономерность – вроде качелей. Сначала варварски добывают какие-то природные ресурсы, попутно губя все вокруг, потом начинают лихорадочно все восстанавливать. Причем в обоих случаях – с весьма неплохим наваром и в основном силами одних и тех же компаний. Денис не поленился сделать подборку подобных материалов по ключевым направлениям мировой экономики за несколько десятилетий и убедился – так оно и есть! Кажется, идеи, высказанные им в свое время Аркадию Ключенштейну и горячо одобренные, смогут, наконец, реализоваться, и не без пользы!

Подобный вывод напрашивался сам собой – особенно, с учетом ряда некоторых событий минувшей зимы.

На четвертый день после празднования Нового года Денис решил, что пора и честь знать. Праздник праздником, но и про Международный валютный фонд забывать не годится. Тем более что лежащие там деньги, регулярно поступающие в Россию и до цента разворовываемые чиновниками по самым элементарным схемам, буквально взывали! Взывали к браткам с просьбой взять их тепленькими и в нераспечатанных пачках, что, конечно же, находило живой отклик в нежных душах борцов за капитализацию страны и более справедливое распределение денежных потоков. Несколько сумбурная, но здравая идея Ортопеда, как «обуть» МВФ*, выкристаллизовывалась в ряд последовательных операций, неизбежно приводящих братков к тарелочке с голубой каемкой, на которой лежат ключи от сейфов МВФ. Не хватало малости – найти зацепку, на которую МВФ клюнет. За те две недели, когда практически весь братанский коллектив был в отключке по поводу успешного завершения года, ее так и не нашли. Но, черт возьми, надо ведь и о будущем подумать! Денис отоспался, вдоволь набегался с Ричардом, просмотрел несколько современных «художественных» книг, дивясь тупоумию и постельно-матерному лексикону, нашел отдохновение в изучении УК с комментариями, откуда почерпнул ряд ценных мыслей, а также успел заехать к родителям, поздравить с праздниками, а заодно планировал проконсультироваться с Рыбаковым-старшим. Может быть, он подскажет, как это ранее бывало, техническую идею-наживку, на которую мигом клюнут МВФ и прижимистые капиталисты. Незаметное «отпочкование» Дениса от компании братков, наводившей шорох во всех ресторанах, кафе, игорных домах, спортивных комплексах и других увеселительных заведениях, встречающихся на пути, прошло без проблем. Обычно какая-то часть бойцов терялась по дороге, восстанавливала силы и вновь включалась в действие, так что исчезновение Дениса из компании особого ажиотажа не вызвало, а его дальнейшее отсутствие тоже было воспринято всеми с пониманием. Так что у Дениса образовалась возможность насладиться беззаботными

деньками, в один из которых он спокойно и целенаправленно предполагал навестить родителей. И это не смотря на то, что тридцать первого декабря они с Ксенией нанесли родителям ритуальные визиты, обменялись подарками и поздравлениями, выслушали стандартные сетования о том, что редко приходят, традиционно пожаловались на занятость и расстались, вполне удовлетворенные друг другом. Правда, визит чуть не сорвался из-за неожиданного появления у Дениса почти трезвого и преисполненного самых нежных чувств Циолковского.

Денис пробыл у родителей недолго, так как дела (как оказалось в дальнейшем, речь шла о приведении в состояние первобытного хаоса какого-то ресторана в пригороде, где уже собрался основной, держащийся на ногах состав братков) не терпели отлагательств. Но и не похвастаться перед родителями новыми изделиями собственной фирмы – водками «Циолковский», «Подлунная», «Млечный путь» и «Предстартовая», изготовленными по технологии, частично подсказанной Рыбаковым-старшим, – он не мог. К тому же, бойцы ИРА (ирландской республиканской армии), помня его выдающиеся заслуги в физической поддержке их идеалов, когда он, случайно оказавшись в Ольстере, правильно понял, на чьей стороне быть, и очень помог как советом, так и непосредственным примером, захватив полицейский водомет и направив его в соответствующую сторону, прислали ему несколько бутылок особого ирландского виски. Это виски было разлито по бутылкам около ста лет назад, рецепт его был утерян, и теперь бутылки, запечатанные свинцом с оттисками старинных печатей, стали чуть ли не символом борьбы ирландского народа против британских оккупантов. Но для настоящей боевой дружбы пределов нет, кроме того, виза Циолковскому в Великобританию была закрыта навсегда, а сам он чуть было не был объявлен в международный розыск!

Быстро сгрузив ящик с бутылками, Андрей Королев витиевато поздравил Ксению, поднеся ей букет и какие-то безделушки с парой десятков бриллиантов, и пока она выражала восторги, сообщил Денису, что даже заходить не будет – торопится, содержимое же бутылок оставляет для дегустации Александру Николаевичу, а буде что останется – соседу Юрию Ивановичу, да мало ли еще кто из хороших людей зайдет – угостить не стыдно. И вообще, дома должен быть всегда достаточный запас спиртного. Денис вздохнул, но спорить не стал, что-что, а этот запас почему-то не уменьшался, несмотря на все попытки Дениса упорядочить этот процесс. Он сам не пил, а на гостей особо рассчитывать не приходилось – все попадались непрофессионалы. Поэтому на следующий день Денис погрузил в сумку полдюжины самых экстравагантных бутылок и отправился навестить папика, тем более что у него накопилось несколько тем для разговора.

Рыбакова-старшего он застал пьющим чай в компании друзей отца, которых он знал давно. Денис с детства знал их и всегда немного удивлялся, что общего могло быть у людей совершенно разных профессий – от физиков-ядерщиков до биологов и гуманитариев, а также разных взглядов – от атеистов до глубоко религиозных деятелей. Со временем, слушая их разговоры, иногда подключаясь к их беседам, он понял, что это был фактически неформальный научный коллектив, где ценились не звание или должность, а умение думать и в благожелательной обстановке решать, казалось бы, сверхтрудные научные и технические задачи. Реальную пользу от таких «посиделок» он ощутил, когда несколько технических вопросов, стоявших перед их братанским коллективом, в частности, технология очистки спиртосодержащих жидкостей, необходимая Циолковскому, была решена в течение получаса, причем на листочке приведена вся технологическая схема со всеми параметрами, что резко повысило авторитет науки в глазах всего братанского коллектива.

Денис поздравил всех присутствующих, пожелал всяких благ и присел с чашкой чая, прислушиваясь к обсуждению какой-то глобальной темы. Похоже, что обсуждение подходило к концу, и формировались какие-то выводы. Денис сделал стойку, как охотничья собака на дичь, и старался не пропустить ни слова, похоже, он пришел вовремя.

Где-то через час гости, попробовав из пары принесенных Денисом напитков по рюмочке и зело одоббив их, разошлись, взяв с Дениса обещание в случае необходимости пособить достать именно этот продукт, тем более что качество гарантировалось.

Александр Николаевич настроился было на отдых, но не тут-то было! Рыбаков-младший, как старый кавалерийский конь, услышавший звук полковой трубы, начал со свойственной ему педантичностью и занудством выспрашивать интересующие его детали только что услышанного, как бы показалось другому, фантастического прожекта. Но по опыту он знал – если папочкин конклав что-то обсуждает – это серьезно.

Рыбаков-старший вздохнул, устроился поудобнее в кресле и начал:

– Видишь ли, Денис, месяца три назад после заполнивших эфир и ТВ воплей о сложности транспортировки газа, угрозах экологии, наглom поведении наших бывших республик СССР и соцлагеря по транспортировке и ценах на энергоносители с прямыми угрозами в адрес России, мы решили разобраться с этим вопросом. Обидно, когда всякая подзаборная шваль, питающаяся мелкими подачками наших бывших, да, пожалуй, и нынешних недоброжелателей, действительно могут устроить нам пакость, изобразив при этом невинность. А срыв поставок по контрактам ударит больно не только по экономике, но еще и по престижу страны. Обидно! Перевозить по суше – себе дороже, морем – например, сжиженный газ – опасно, и нет соответствующих мощностей – газозовов; а если всю Балтику этими посудинами перекроем – опять же экология! И вот у Олега (Денис относился с глубочайшим почтением к профессору из «Корабелки» Олегу Ивановичу, походя подарившему ему несколько идей, своевременно реализованных и принесших весьма приличный доход антоновскому коллективу) родилась очень эффективная и технически вполне осуществимая идея – построить транспортную ленту вдоль берега Финского залива и потом от Питера в Европу – до того места, куда пожелают западные партнеры. Разместить ее можно на опорах – как платформы для добычи ископаемых со дна моря, опыт тут большой. Балтика в принципе мелкая, и в пределах берегового шельфа, где глубины до двухсот метров, такие опоры поставить вообще не проблема. А расстояние от берега можно такое подобрать, что опоры эти будут едва видны, мы по карте проверили. Высота должна быть от уровня воды метров 50–70, чтобы и безопасность от штормов обеспечить, и пропуск судов в порты не нарушать. На транспортной ленте предполагается разместить автобан – по четырнадцать рядов в каждую сторону, а также скоростную магистраль на магнитной подвеске. Причем вся энергетика обеспечивается системой ветро-электростанций, расположенных на этой же ленте. Мы прикинули электропотребление, так оказалось, что процентов 40–60 еще и продавать можно будет! Под дорожным покрытием комфортно разместятся газо- и нефтепроводы любой производительности; можно добавить, убрать, да и осмотр и ремонт проблемы не составят. К тому же и туристические интересы какие-то есть, и экология не нарушается.

– А сейчас-то вы что тогда обсуждаете?! Хотя какие-либо возможности для реализации всего этого у вас имеются? – спросил Денис.

– А как же, – гордо ответил Рыбаков-старший, – составлен проект. На днях заканчивается подробное экономическое обоснование, месяц назад послали соответствующие предложения в Правительство, Президенту и Президиуму Академии наук.

– Ну и какой ответ получили?

– Пока никакого, ждем.

– Денис нахально развалился на диване и менторским тоном заявил:

– Папик! Тебе пора менять фамилию!

– Не понял... Почему?

– Как почему? Тебе больше, наверное, подошла бы фамилия Карасев-Идеалистов. И обязательно через тире! Как в девятнадцатом веке было. Что ты, что твои высокоученые друзья – вы что, совсем не понимаете, где и в какое время живете?! В Правительство, Президенту послали, мол, для страны такие перспективы открываются... Так для страны же, а не для них!!!

Вот если бы вы по несколько миллионов бакинских им заслали, может быть, они тогда задницы от стульев и оторвали бы, да и то лишь для того, чтобы ваш проект своим зарубежным корешам продать и дополнительно схарчить за посредничество. Ты лучше Богу молись, чтобы они там, наверху, этот проект не засекретили, а с вас не взяли бы подписки о неразглашении. А за то, что вы успели куда-то информацию послать, – половину «посодют» к Пасько за компанию. Так, на всякий случай, ненадолго – может и до суда не дойдет – на годик-другой, ведь вы, пенсионеры, народ некрепкий, – глядишь, кто-нибудь между делом и сандалики отбросит... Вот, собственно, и весь сказ!

Рыбаков-старший, не ожидавший такой отповеди, умолк и задумался.

Логика Дениса была весьма и весьма убедительной. Действительно, сколько раз он и его друзья попадали в подобные ситуации. Раньше, когда работали в ВПК, было легче: возьмешь в соавторы директора института, куратора из штаба, замминистра какого-нибудь. Он, естественно, ничего не делает, только нужные бумаги подписывает, а когда дело сделано, первым в списке на Госпремию или орден, но дело-то получилось. А сейчас они кто? Пенсионеры, профессора с зарплатой меньше, чем у дворника; а наверху-то ждать не будут – им заранее на лапу коробку из-под ксерокса с баксами внутри положи, вот тогда, может быть, что-то и впрямь получится...

– Так что ты предлагаешь? – спросил Александр Николаевич.

– У тебя есть копия всех ваших разработок по этому вопросу? – спросил Денис.

– Вот диски, – указал предок.

– Отлично, ты даешь их мне, – предложил Денис, уже сориентировавшись в ситуации, – я поговорю с нашими (Рыбаков-старший попытался что-то сказать, но Денис замахал руками), нет, не с братками, у нас ведь в том числе и юристы хорошие есть, и финансисты, связи международные. Если надо, так мы любого эксперта найдем, ну а на нужном этапе и наших друзей подключим.

Денис давно думал, как бы слегка пощипать МВФ, а неожиданная идея папика могла стать ключом к тамошним сейфам. Они и на более слабые вещи клевали, денег у них прорва, отчего бы не попользоваться?!

– Мы попробуем организовать международный консорциум под это дело, назовем, к примеру, «Балтийское кольцо», или «Единая Европейская», или «Путь надежды» (Дениса понесло). Во всяком случае, на проработку МВФ денежку даст, да и не малую – кого надо, подмажем! Главное же, что вы и как авторы признание заслужите, да и как консультанты очень неплохой приработок поимеете. А там, глядишь, и реализуется что-нибудь. Ну как, разумно?

– Разумно, пожалуй, – после некоторого размышления согласился Рыбаков-старший, – только вот как-то непатриотично это может оказаться!

– Патриоты у нас, вон, у всех входов в метро с протянутыми кепками стоят, а те, что особо патриотичные, – валят лес в районе Магадана! – не слишком учтиво парировал Денис – И так, спрашиваю окончательно – даешь добро?

– Даю! И добро даю, и кассеты, эти, знаешь, тоже забирай, – махнул рукой Александр Николаевич.

* * *

Приехав домой, Денис кратко рассказал Ксении о результатах визита. Неожиданно для Дениса, которому казалось, что такие технические подробности наводят только скуку, она задала несколько уточняющих вопросов и захотела просмотреть запись на кассете.

– Милый, ты, конечно, суть изложил правильно, но нюансы, а это очень существенные суммы в бакинских, вполне вероятно, упустил, – сказала она, – да и вообще тебе самому будет не вредно закрепить полученные знания, как в школе!

Повторный просмотр материалов только укрепил мнение Дениса в рациональности этой идеи. Тут прямо как в анекдоте о Ходже Насреддине и его ишаке, которого он шаху обещал научить читать через двадцать лет, за что и получил авансом тысячу золотых... А ведь двадцать лет кто-нибудь из этой троицы может и не прожить; и если уж вопрос о грамотности отпадет сам собой, то хотя бы денежки останутся!

С этой светлой мыслью Денис решил на следующий день поделиться с Аркадием Ключенштейном, в чьем здравом смысле и опыте перспективного планирования, когда дело касалось больших сумм и непредсказуемого поведения клиентов, Денис не сомневался.

Часа в два дня, когда по предположениям Дениса Глюк уже должен был проснуться и позавтракать, он позвонил ему домой. На звонок никто долго не отвечал, и Денис решил вызвать кореша по мобиле, но тут трубку телефона неожиданно подняла жена Аркадия Лия. Вежливо поздоровавшись и поздравив семью с праздником, Денис спросил, где Аркадий.

– Дома, – ответила Лия, – правда, к телефону он подойти не может, так как простудился и лежит с банками и горчичниками. Денис опешил, он ожидал любой ответ, но только не этот. Представить Глюка больным, лежащим с какой-то простудой – нет, это уже выходило за рамки человеческой логики; Денис даже замолчал, соображая, что все это может значить?

Лия тоже молчала, и вдруг Денис услышал в трубке знакомый, но несколько искаженный голос друга: «Это с кем ты там говоришь?» – «С Рыбаковым, он поздравляет нас».

– А-а, передай-ка мне трубу, – и через несколько секунд уже: – Диня! Привет, тут такое было, не поверишь! Приезжай, а то второй день лежу бревном, поговорить охота!

– Может, что из лекарств или еще чего-нибудь прихватить? – участливо спросил Денис – Ты вообще как себя сейчас чувствуешь?

– Да уже нормалек! Только встать еще день-два доктор не велел! Заразы никакой, так что не бойсь!

– Лады, сейчас еду, – Денис повесил трубку и воззрился на супругу. – Вот уж чего не ждал, того не ждал! Что же такое могло случиться, чтобы Глюка простудить? Нет! Надо поехать и самому на все посмотреть.

Через час Рыбаков позвонил в квартиру Ключенштейн-на. Дверь открыла Лия, Денис церемонно наклонил голову, преподнес букетик свежих цветов и спросил -: «Ну как?»

– Сейчас уже ничего, – ответила Лия, – а позавчера ему совсем плохо было, я даже испугалась, таким его вообще не видела...

Эй, – раздался сиплый крик Аркадия, – что ты Диню в прихожей держишь? Пусть проходит, а ты уж нам чаек сообрази по всем правилам!

Раскомандовался – значит, почти здоров, – прокомментировала Лия, провожая Дениса в спальню, где его глазам предстало весьма экзотическое зрелище. Голова Аркадия, замотанная каким-то платком на манер предводителя пиратов, высывалась из пары подушек и двух одеял, которыми он был накрыт. Картину дополнительно усугубляла торчащая из-под одеяла здоровенная длань, выходящая из рукава тельняшки и судорожно шарившая по придвинутому к кровати столику, на котором в живописном беспорядке валялись лекарства, пачки горчичников, книжки, два мобильника, а также стояли пузырьки, стаканы и электрочайник. Денис пожал мужественную лапу друга, определив, что у того температура никак не ниже тридцати восьми, ободряюще похлопал его по плечу через оба одеяла и, сев на кресло рядом, поинтересовался:

– Так что же все это значит?

– Ну, блин, Диня, не поверишь! – начал Аркадий. – Устроил я себе приключений ну по самое «не хочу»! Помнишь, я осенью по твоему совету купил участок на берегу залива за Ораниенбаумом, там, где и у твоих родителей дача? (Денис кивнул). Место действительно отличное – что летом, что зимой. Ну, начал я строить себе дом с подземным гаражом для машин и ангаром для катера. Бетонные стены и кладку первого этажа сделали быстро; я временную

крышу соорудил, электроподогрев подвел, и в принципе, знаешь, все чин-чинарем. А вот с гидроизоляцией в ангаре, где катер стоит, не успели закончить, до весны отложили. Не горит же, в конце концов!

Утром тринадцатого я просыпаюсь, праздники уже вроде поднадоели, вот и решил немного проветриться – воздухом подышать, а заодно и проверить – ведь перед этим случилась оттепель, и было штормовое предупреждение – не затопило ли катер в отсеке. Я ведь за него сто сорок тонн бакинских отвалил. Приехал нормально, машину сразу в блок загнал и через внутренний проход прямо к катеру двинул. Свет натурально зажег. Захожу, значит, где катер стоит, и прямо балдею. Воды столько, что катер сместился с кильблоков, а поперек на нем еще какие-то провода висят, он под ними аж накренился весь: еще немного и внутрь заливать начнет! Я с кромки доску натурально на катер перебросил, куртку и пиджак сбросил, чтобы не намочить, и полез на катер, чтобы, значит, его освободить, но совсем не подумал, что он же не на твердом стоит! Только пару шагов сделал, катер – падла! – еще больше накренился, доска соскользнула, и я угодил в воду, пытаюсь рукой за провод зацепиться. Тут меня вдруг еще разок как тряханет, я аж сальто, наверное, крутанул; куда вылетел, не помню, но электричество вырубилось... Прикинь, темень полная. Не соображаю ни хрена, выскакиваю на улицу через вторую дверь, а там – каток! Ну, я опять падаю и при этом еще стукаюсь о дверь, да так, что она закрывается... Я специальный замок там поставил – механический, он при закрытии четыре штыря диаметром по тридцать миллиметров в распор выдвигает, а дверь из пятерки стали сварена да на уголках. И до меня конкретно доходит, что дело «швах»! Обе железные двери закрыты изнутри, сломать их нечем, на полкилометра домов рядом нет, темень, нигде ни огонька. А тут еще и подмораживать стало, где-то десять-пятнадцать к минусу да с хорошим ветерком, а я весь мокрый, уже ледком одежда начала покрываться, вдобавок без денег и мобилы, и шапки нет. Потыкался, чувствую – замерзну, на хрен! Ну, побежал я в сторону шоссе и электрички, хорошо хоть колея от машины осталась, а то и бежать-то не знал бы куда. Выскочил на шоссе, ничего не едет, пришлось чапать аж до Ораниенбаума; а там, если кто и встречался, – от меня врассыпную. Какая-то электричка стояла, я в нее тут же сел; так она только через полчаса поползла к городу. Я один, по-моему, в ней ехал. Правда, народу потом поднабралось, но в моем вагоне никто не задерживался. А в Петергоф наряд ментов загрузился. Нормально я бы с ними быстро разобрался, но тут у меня уже и сил ни на что не было, а они умные – близко не подходят, калашы выставили и выжимают меня из вагона. А меня трясет, руки-ноги ходуном, зубы лязгают! Они, видимо, решили, что я псих, поэтому, слава Богу, оружие в ход не пустили. По рации запросили подмогу и санитарную машин. У меня, конечно, никакого желания им в руки попадать не было, а тем более – к психам в больничку. Тут как раз Володарская, я вальсом-вальсом и к дверям. Выскочил и дал деру в сторону города. Они особо преследовать и не старались: чего ради им перед самым праздником лишнюю хворобу иметь? Народу на улицах не очень, все спешат; я машину останавливать не стал, все равно без толку. Так, наверное, больше двух часов до дому бежал, аж высохло все на мне. Примчался, и мигом в горячую ванну, где Новый год и встретил... Ни есть, ни пить не мог – колотило так, что кусок мыла было не взять. Лия даже моего врача вызывала; он меня и оттирал и поил чем-то – сам-то я уже никакой был, вроде в отрубе. А утром чувствую, что ничем пошевелить не могу, бред какой-то перед глазами. Думал, вообще копыта отбрасываю... Вот только сейчас, кажется, в себя и пришел.

– Да, не повезло тебе, – посочувствовал Денис, – я думал, ты у Толика с братанами, а ты, видишь, решил здоровый образ жизни вести, вот и прокололся.

– Да, – согласился Аркадий, – отрываться от коллектива – это чревато!

В этот момент Лия втолкнула в комнату столик на колесах, заставленный всякой снедью, изумительно заваренным чаем в больших кружках и вазой малинового варенья.

– Ему это варенье сейчас очень полезно, доктор прописал, – наставительно сказала она.

– Ой, Лиечка! – завопил Денис – Это же мое самое любимое лакомство, преогромное спасибо, просто сказочный подарок!

Дальнейшие разговоры касались, в основном, гастрономических тем, так как Денис решил не перегружать подсознание Глюка до тех пор, пока тот не придет в свое нормальное состояние; то, что это произойдет и, причем, очень и очень скоро, они оба абсолютно не сомневались.

* * *

Через несколько дней Аркадий сам позвонил Денису:

– Слушай, тут надо обмозговать одно дельце. Предлагают купить типографский центр, просят немного, а Гоблин где-то в отъезде, и мобилу отключил. Поедем, посмотрим.

– Давай, – согласился Денис, – подъезжай, заодно гляну на тебя, как ты из последних заморочек выкрутился.

– Да нормально все, – заверил Аркадий, – через минут сорок буду.

И действительно, минута в минуту золотистая «Акура MDX» Глюка подхватила его в свое уютное чрево. Денис отметил, что Глюк выглядит теперь хоть куда, а ведь после своих зимних приключений с катером он успел еще попасть на заключительные дни праздника у Толи Нефтяника, где немедленно принял активное участие в гонках на снегоходах...

Какое-то время оба проехали молча, потом Глюк неожиданно спросил:

– Слушай, Диня! – Клюгенштейн нервно крутанул головой, потёр виски и почесал затылок. – Тут я как-то не понял одну книжку. Может, разъяснишь?

Рыбаков внимательно посмотрел на Глюка.

То, что Аркадий немножко заторможенно мыслил, – это было вполне объяснимо. Забавляясь со снегоходами у Толика Нефтяника, Глюк как-то соскользнул с одного из этих капризных устройств, лишился в полете шапки и в итоге впился головой в некстати подвернувшийся на пути пень. Слегка пострадали оба; однако, при чем здесь... книжка?

– Какую книжку ты имеешь в виду? – спросил Денис – ты что, выронил сберкнижку в снег, а теперь не можешь разобрать, сколько накопил?

– Да нет, Диня! Слушай, сижу я тут вечером дома, башка хоть и варит, но как-то не совсем конкретно. Зашел в комнату Ани (старшая дочь Аркадия), она уроки, по-моему, готовит; вообще в универ на филфак готовится, кажется. Смотрю, книжка со стишками короткими – ну, вроде как реклама. Спрашиваю, что за чтиво. Она говорит: «Омар Хайям, новые переводы с комментариями». Шрифт реальный, крупный, я прочитал несколько – очень понравилось. Знаешь, а мужик в тему пишет! Насчет того, что всё лабуда, а как стаканчик-другой примешь – так все проблемы по фигу... Только вот не доходит до меня – он ведь крутой мусульманин был. У них же даже правило есть, что каплей вина можно лошадь убить. Когда мы в Египте были, так из-за этого весь отдых оказался испорчен на хер, – Клюгенштейн горестно вздохнул. – А когда мы в пустыне, в не открытой покуда, но все равно какой-то занюханной гробнице, в совершенно антисанитарных условиях немного расслабились, так враз полиции нагнали, из страны выперли и визы закрыли. Правда, визы эти мне совершенно по барабану! Какого хрена вообще в этой стране делать, если приличному человеку и отдохнуть-то, как следует, не дадут?!

Фактически отдых почтенной компании в Египте завершился разгромом гробницы какого-то захудалого фараона; помимо всего прочего, братва также отвела душу гонкой на верблюдах по барханам, нанесением серьезных телесных повреждений паре десятков полицейских и даже была обвинена... в попытке поднять восстание бедуинов! Последнее, вероятнее всего, было коварной мстью избитых египетских писцов-чиновников.; их подлог остался незамеченным на фоне пухлого вороха других обвинений, лишь усугубив вину незадачливой братвы.

– Молодец Аркадий, в самую точку попал! – Денис с восхищением отметил несомненную пользу контакта с пнями в плане культурного развития Глюка. – Я ведь тоже, когда в Универе учился, все врубиться не мог, а потом как-то на серьезные дела отвлекся. Недавно с Гоблином побазарил. Знаешь, он тоже эту тему разрабатывал; говорит, что даже специальную монографию про все это скоро выпустит. Оказывается, никто на самом деле ни одного оригинала стихов Омара Хайяма не видел, все переписка с переписки, да и то с других языков, а не с фарси – его родного, значит. Гоблин пошустрее и нарыл в архивах совершенно неожиданные рукописи – правда, на иврите... Клюгенштейн опять заморгал и с подозрением уставился на Дениса.

– Ну и при чем тут иврит? Что, этот Хайям и на нем писал? Денис развеселился.

– Не «и на нем», а в основном на нем! Когда Гоблин освоил материал, оказалось, что все переводы, что были сделаны после тысяча восемьсот пятидесятого года, – просто перепеки с этого текста! Даже имя Хайяма до сих пор обсуждается: тогда с бумагой ведь напряжена была, писали на пергаменте (Аркадий понимающе кивнул), а он был жутко дорогой! Поэтому гласные буквы пропускали. А подпись из букв МЭРЭ и ХаМЭ записали как Омар Хайям, и понеслась душа в рай! Димон посоветовался со спецами и оказалось, что возможен другой перевод: Эми Хаим. И жил этот Хаим, похоже, в ХМІ-ХІV веках у нас в Нижнем Поволжье, где был Хазарский Каганат, а государственной религией считался иудаизм. У Глюка просто челюсть отвалилась.

– Постой, Диня, так это что же получается? Выходит, он – еврей? Ну, тогда насчет выпивки все ясно: в этом плане запретов по религии нет... Только вот почему же он эмиром был?

– Насчет национальности точно сказать трудно, там такая дикая смесь была из татар, южных славян, иудеев, лиц кавказских национальностей (благо Кавказ недалеко!), а генетический анализ, увы, теперь не сделаешь! Не у кого! А насчет эмира – это просто. Эмир – военное звание – вроде полковника или, может, генерала. Значит, у мужика еще и организаторский талант был! Вроде вот как у тебя. (Клюгенштейн самодовольно расправил и без того широкие плечи.) А войны там велись постоянно. Вот Хаим со своим отрядом и болтался, как... (Денис пошевелил пальцами, пытаясь подыскать соответствующее сравнение, но не нашел)... как вот ты по разборкам! А чем заняться в свободное время? Ресторанов по степи не очень много тогда было, спирт гнать еще не научились; представляешь, никаких крепких напитков не было!

Клюгенштейн еще шире открыл рот, хотел что-то спросить, но только кивнул. Денис продолжил:

– Вот и потягивали они тогдашнее вино-то стопарями, а может, и кувшинами да насчет женского полу подумывали. Похоже, что Хаиму повезло: остался живой, на старость тоже неплохо накопил; жил себе в усадьбе, дома или в таверне, вино попивал, а наскучит – стишок в память былых подвигов. Наверное, без дела сидеть не хотел... Вот так-то, Аркаша!

Несколько минут Глюк сидел молча, переваривая совершенно новую для себя информацию и иногда поглядывая с подозрением на Дениса, не разыгрывает ли тот его. Потом спросил:

– Может, сразу Ане сказать, чтобы она все это у себя там, в гимназии, и выложила?

– Не стоит, – Денис закурил сигарету и посмотрел на то, как рассеивается струйка дыма, – не поймут. Когда книжка выйдет – она так и называется «Эмир Хаим. Рубай», пусть почитает*. А сейчас на этом Омаре столько людей кормится, вон, каждый год неизвестно где его четверостишия отыскивают, что кому хочешь жизнь испортят, особенно детям. Судьбу сломать – это у них не задержится. У нас в универе мадам Вырожеикина за сомнение, что не там запятую обнаружила, студентов выгоняла, а тут тема хлебная, поездки за границу, диссертации, симпозиумы. Гуманитарии, они думать логически не горазды, а гадости делать – хоть куда, если малейшая угроза им будет. А мочить или еще как бороться с ними – невозможно. У них там и крыши свои есть, и разборки, только на уровне порослячьего визга. Лучше не лезть – измажешься.

– Ладно, – Клюгенштейн все же прислушался к разумным доводам, – я с Гоблином побазарю, если чё надо помочь эту книгу издать – вопросов нет, сделаем по самому высокому классу.

– Вот это ты правильно решил, – заключил Денис.

* * *

В полшестого мобила у Дениса исполнила начало мелодии «Мост через реку Квай», и на дисплее высветился телефон шофера Антона Павла Расскауса. Сообщение состояло из одного слова «Жду». Денис быстро сбежал к подъезду, где его уже ждал трехсотый «Лек-сус» цвета импала (по зеленоватому с отливом оттенку шерсти редких африканских антилоп) с абсолютно невозмутимым шофером Павлом. На самом деле его звали Паулюс, был он из рижского ОМОНа, прославился своей принципиальностью при защите телебашни от прибалтийских наци, был объявлен в розыск (естественно, с подачи из-за океана) правительством свежееобразованной прибалтийской «бананоторгующей» республики, и в итоге осел в Питере. Антон высоко ценил его хладнокровие, безукоризненную езду, исключаящую какие-либо недоразумения на дорогах, и точность при выполнении заданий. Денис кивнул Павлу, получил благодарный кивок в ответ и без десяти минут шесть был уже в приемной офиса Антона.

Встреча происходила в абсолютно несвойственной для ее участников – Антона Антонова и Дениса Рыбакова – манере. Время было более чем позднее, Светочка – секретарь Антона уже трижды приносила им очередные джезвы с кофе, приготовленным по особому, только ей ведомому древнему армянскому рецепту; сопровождая кофе фруктами и специальным сыром, она с некоторой тревогой следила за слишком уж затянувшейся беседой. А поговорить было о чем.

– Понимаешь, Денис, – уж в который раз просматривая сложные ломаные линии на экранах персоналок, говорил Антон, – вот тут по твоему совету я провел экстраполяцию некоторых видов нашей деятельности. К сожалению, твои достаточно пессимистические прогнозы подтверждаются. Пока, правда, доходы вроде бы держатся на прежнем уровне, пацаны заняты и, в общем, довольны. Но если взглянуть вперед на год-два, то начнется падение наших «акций» – сначала понемногу, но потом с солидным ускорением, а остановить этот процесс, увы, не получается... Я вводил разные поправочные коэффициенты – и хоть бы что! Сейчас существенную часть доходов составляют как бы неожиданные, нестандартные операции, типа случайных денег, как с Сашей Носорогом, или макетом взрывного устройства. Но постоянно надеяться на такое вряд ли разумно, да и проводить такие темы становится все труднее. А с барыгами – вообще полный отстой! Крупняк подметает их, только держись! Из тех, с кем работаем последние десять лет, практически никого не осталось, да и дела сейчас во многом делаются по-другому.

– Я ведь тебя еще два года назад предупреждал о возможных трудностях, – вступил в беседу Денис – Хорошо, что ты послушал и перевел часть дел в легальный бизнес, а то сейчас сидели бы за пустым столом и дрожали от каждого звонка в дверь. Это вначале была полная вольница, а сейчас, как говорит мой папик, изменились граничные условия. Крупный бизнес меж собой все поделил, делать там нечего, вот он и подминает под себя всякую шушеру – тех, кто нашими основными клиентами являются, а им, знаешь ли, теперь нужен почет и спокойная жизнь. Отсюда и законы осмысленные, то бишь, как бы выгодные для государства, начали через Думу пропихивать, вроде совесть в них заговорила. А сие есть всего лишь голый расчет. И драки за собственность уже идут на другом уровне. Обходятся, как говорил один мой знакомый еще из коммунистического прошлого, без «летательных походов». А лучше завалить конкурента через прокуратуру и потом, подобно шакалам, своевременно растащить бесхозную собственность, вроде как с Ходорковским поступили.

– Но должен же быть какой-то выход? – спросил Антон.

– Конечно... – Денис задумчиво поглядел сначала на экран компьютера, потом на пустую чашечку кофе. В этот момент, будто бы предугадав его желание, осторожно постучав в дверь, вошла Света с дымящимися джезвами.

– Ну, ты прямо волшебница, – улыбнулся Денис, – только, наверное, эта чашка уж действительно последняя. А то спать неделю не сможем. Спасибо тебе большое.

Света улыбнулась и исчезла.

– Конечно, – повторил Денис, – выход есть. Я тут дополнительно с серьезными людьми побеседовал, почитал кое-что, естественно, разъяснения получил, подумал и пришел к заключению, что надо стратегию менять. Сейчас что становится основным источником легкого дохода? Во-первых, контроль отраслей добывающей промышленности – нефть, газ, лес и так далее. Во-вторых, контроль распределения государственных денег. Ну, по первому вопросу нам особо ничего не светит, там такое профессиональное беспардонное ворье сидит и уже такие бабки поимело, что раздавит любого. По второму вопросу – тут надо чиновниками быть, что для нас нереально. Ты же сам знаешь, какие там нравы – только за себя! Продают и перекупают, глазом не моргнув. (Антон тяжело вздохнул и понимающе кивнул.) Лозунг «Деньги решают все!» Мы по сравнению с ними белые и пушистые.

Так что практически оба эти пути для нас неприемлемы. А быть у них в холуях не хочется...

Но есть и третий путь, пока ими еще не монополизированный. Это создание каких-либо консорциумов (или подобных структур) для реализации хотя бы фиктивно крупных международных проектов, особенно экологически эффективных или социально значимых, финансируемых Международным Валютным Фондом.

– Я что-то не понял, – прервал монолог Дениса Антон, – для таких проектов ведь надо задействовать кучу всяких научных институтов, производств, правительства заинтересовать, в печати всякие умные вещи опубликовывать, нелегко все это!

– Конечно, – согласился Денис, – новое дело начинать всегда трудно, но на старом багаже, ты же сам сказал, далеко не уедешь. Вот и приходится выбирать или дело и риск, или все по-старому и малообеспеченная старость с возможностью ограничения в правах! И рукавицы шить, как некоторые излишне строптивые, а может, по молодости и лес валить в районе Магадана пошлют. Чтобы воздухом чистым дышать!

– Ладно, – заключил Антон, – какое-то время у нас еще есть (Денис кивнул головой), хорошо хоть заранее озаботились. Недельки две подумаем, прикинем, братков занять чем-нибудь надо, а потом главное перестроить на «новые рельсы».

Антон проводил Дениса до машины, на которой невозмутимый Павел вернул его, откуда взял.

* * *

Следующие две недели оказались весьма насыщенными. Пока братков особенно не тревожили, ну, иногда для моральной поддержки кого-то брали с собой, чтобы их личности как-то примелькались новым деловым партнерам, да и для братков не стала неожиданностью перемена рода деятельности, что могло привести к глубоким душевным травмам или неконтролируемым запоям, что в свете новой ситуации было нежелательным.

Антон с Рыбаковым и Стоматологом неторопливо катили по Малой Морской. Надо было перетереть одно важное дело с остановившимися в «Астории» зарубежными партнерами, но буквально за пятнадцать минут до встречи те по мобиле сообщили, что попали в пробку из-за аварии, стоят на Троицком мосту и очень извиняются за возможное опоздание.

Антон слегка ругнулся, но весь график, тем не менее, оказался сбитым. Правда, других особо срочных дел на эти пару часов не было, а разговор предстоял важный, да и янкесы улетали вечером.

Встал вопрос, чем занять ближайшее время.

– Ну, пока гиббоны (сотрудники ДПС – Автор.) разрулят обстановку, пройдет, я думаю, час, не менее, – рассудительно заявил Рыбаков-младший, поглядывая в окно, – вот денежку срубить – это у них со скоростью, опережающей скорость их собственного визга, – это больше трехсот метров в секунду; с такой скоростью из револьвера Стечкина Р-92 пуля летит, – добавил он, повернувшись к Стоматологу.

Стоматолог важно кивнул, он этот револьвер уважал.

– Правда, направление только к себе они понимают. А чтобы порядок навести, тут как сонные мухи в осенний день. Только по рациям и верещат, доклады начальству делают.

– Да ну их на хрен, – миролюбиво сказал Антон, – заедем куда поблизости, светиться в «Астории» нам ни к чему, будто они нам нужны, а не мы им. И так уважение проявляем – на их как бы территории говорить будем. Тут где-то индийский ресторан есть, может, посмотрим?

– О! – вдруг встрепенулся Денис – Вон куда-то мой предок с умным видом чешет.

Стоматолог оживился.

– Слушай, Диня, может, подцепим его, побазарим, я ему пару вопросов задать хотел, да вот как-то не складывалось, а сейчас в самый раз. Они проехали немного вперед, остановились. Денис и Антон, чтобы слегка размяться, вышли из машины и стали поджидать Александра Николаевича. Рыбаков-старший, как всякий весьма близорукий человек, видел только то, что происходило непосредственно прямо перед ним, да и то не очень отчетливо, поэтому вид у него был несколько величественно-отрешенный; на все прочее он, естественно, не обращал внимания. Только подойдя вплотную к двум фигурам, стоящим точно на его пути, он в одной из них узнал своего отпрыска. Рыбаков-старший радостно похлопал Дениса по плечу, пожал руку Антону и поинтересовался, как они его нашли.

– Да мы тебя вообще-то не искали, – ответил Денис, – так, случайно ехали на встречу, да не сложилось; вот, появилось немного свободного времени, думаем, что делать.

– Как что делать? – удивился Рыбаков-старший. – Вы хоть помните, когда ты и Антон Борисович в Исаакиевском соборе были?! А там за последние несколько лет многое восстановили, да и новые экспозиции открыли; хотите, покажу? Я как раз туда иду согласовывать один совместный проект.

Антон последний раз был там еще школьником и помнил, что что-то висело, качалось, сбило спичечный коробок, но зачем, почему и какое это все имело отношение к вращению Земли, он не очень представлял, так как увлеченно перешептывался с самой противной девчонкой из класса.

– А что, это очень хорошая мысль, – одобрил Антон. – Янкесы подождут, ведь и ты (он посмотрел на Дениса), наверное, тоже не так часто там бываешь?

Денис вздохнул и обреченно кивнул.

После «знакомства» с сокровищами музея истории религии и атеизма он начал питать искреннее, правда, не совсем бескорыстное чувство любви и даже какого-то альтруизма к еще сохранившимся в музеях ценностям.

– Заодно просветим и Стоматолога, – добавил он.

– Вот и хорошо, – одобрил Рыбаков-старший, – а то у вас все какие-то дела, тут хоть немного отвлекетесь. А Станислава Алексеевича, по-моему, вы совсем загоняли, – Александр Николаевич, обладая профессиональной памятью преподавателя, всех друзей Дениса называл по имени и отчеству и только на «вы». Сначала они чувствовали себя как-то неловко, но потом поняли, что подвоха здесь нет, и успокоились.

Ну не может человек по-другому!

Они подошли к гостеприимно распахнутой двери «Chevrolet» цвета пены шампанского (такой цвет вообще-то для наших машин не полагается, но чего не сделаешь себе в усладу!), за которой в очередь уже стояла пара троллейбусов, милицейская машина и всякая другая шелупонь, но почему-то никто изрядного нетерпения не проявлял. Особенно менты, с умным видом якобы высматривающие, что-то по сторонам. Стоматолог радостно приветствовал Рыбакова-старшего, максимально подвинулся (насколько позволяли габариты братка), и машина подъехала ко входу в музей, освободив тем самым Малую Морскую для движения нормальных граждан.

Александр Николаевич поздоровался с администратором, тут же предложившим экскурсовода для уважаемых гостей, вид которых как-то не особенно идентифицировался с образом искусствоведов. Рыбаков поблагодарил и вежливо отказался, объяснив, что эту экскурсию он доверить никому не может и проведет ее сам.

– А чё, твой папаня по любому музею может вот так запросто все рассказать? – тихонько спросил Стас у Дениса.

– Конечно, ведь музеев серьезных у нас наберется не больше двух десятков, а экспонатов всего несколько миллионов, так что запомнить легко, – ответил Денис.

– Ну, блин, вообще, – с уважением прошептал Стоматолог, – я так как-то однажды в музей зашел, послушал – ничего не понял, экскурсовод все бегом да пальцем показывает то туда, то сюда; совсем запутала, коза кривоногая...

– Думаю, сейчас все будет не так, – философски заметил Денис – Я ведь тоже тут не все знаю. Исаакиевский собор на всех оказывает какое-то умиротворяющее впечатление. Особенно когда никуда торопиться не надо и на любой вопрос можно сразу получить понятный и исчерпывающий ответ.

Для всей компании, включая Дениса, многое просто было ранее неизвестно, например, то, что Исаакиевский собор никогда церкви (как организации) не принадлежал, а был федеральной собственностью, и до революции туда вообще без специальных пропусков не пускали. Что строился собор на деньги, выделенные «на строительство и содержание Балтийского флота». Что только в этом соборе по указу Петра I давали присягу на верность России «чины Адмиралтейства и Балтийского флота», а колокольный звон в Петербурге во время религиозных праздников начинался только после первого удара большого (31-тонного) колокола Исаакия, который особенно красиво звучал в районе современных Купчино и Пулково.

– И во сколько же обошлось казне строительство этого чуда? – спросил практичный Стоматолог, видимо, прикидывая построить что-то подобное на участке в десяток гектаров, который он недавно с соблюдением всех законов приобрел.

– Более двадцати трех миллионов рублей с учетом того, что корова стоила в пределах десяти-двенадцати рубликов, – ответил Александр Николаевич. – А вообще-то это вопрос не такой простой. В России ни одно дело не обходилось без нарушения закона – как издревле, так и сейчас.

Троица согласно закивала головами. Уж кому-кому, а им это было хорошо известно из повседневного опыта.

– Вот в начале строительства – молодой (около двадцати пяти лет), гениальный художник, но не строитель, к тому же француз – Монферран был назначен главным архитектором строительства, кстати, в комиссию по построению, возглавляемую лично императором, входили все силовые министры, чтобы отмазок не было, что, мол, приказа не послушались. Правда, в России и министерство всего-то и было девять штук, например, в МВД (лица Антона и Стоматолога приобрели серьезно-заинтересованное выражение) входило и сельское хозяйство, дороги, почта, в общем, все, что внутри страны. Всего жандармов со всем руководящим аппаратом было не более пяти тысяч человек, и ведь неплохо справлялись, это Пестель-придурок предлагал довести их численность до пятидесяти тысяч, если бы декабристы победили, но, слава Богу,

такого тогда не произошло. Ну вот, самое дорогое – фундамент; строить начали, года через три – финансовая проверка. Смотрят: потратили восемь миллионов, а счетов только... на пять с небольшим! Шум, естественно, стройку прекратили, стали проверять, Монферрана отстранили, но подписку о невыезде не взяли, нормальные все-таки люди были. Он в Европу полгода ездил, смотрел лучшие соборы, многому, конечно, научился. А у нас, как всегда, слишком заметные люди в этих денежных делах замешаны были – все министры и родственники царствующей особы; замяли, конечно, может, денежки и перераспределили. («Само собой, – понимающе заметил Антон. – Это у нас легко делается!»)

– Вот именно, – продолжил Рыбаков-старший, – а тогда, кстати, еще очень разумная система была. Если ты выигрываешь торги на работу (тендер по-нашему), в Комиссию по строительству процентов десять в виде «отката» отслюнивай, зато больше – никому и ничего, брали «по чину»; впрочем, и в советское время за этим строго следили.

Для Стоматолога это было большим откровением.

– Ну, блин, во разумную систему придумали, а тут каждый раз только и стараешься допереть, где тебя обмануть собираются, половину времени на это тратишь, – воодушевленно высказался он, – да все равно каждый раз подлянку или тебе, или партнеру стараются устроить. Иногда аж паяльник не помогает!»

Рыбаков-старший на секунду замолк, пытаясь соотнести паяльник и строительство Исакиевского собора.

– Средства электронного наблюдения не всегда качественные, приходится подпаивать дополнительные элементы, – бархатным голосом разъяснил Денис, незаметно, но ощутимо ткнув – на всякий случай – кулаком Стаса. Тот мгновенно замолчал, но какие-то смутные соображения у него явно появились.

– Продолжаю, – Рыбаков-старший показал на роспись под главным куполом, – по теме разговора. За эту картину «Торжество Богородицы», кстати, самую большую в мире (более 700 квадратных метров) и написанную вручную кистью, Карлу Брюллову, тому, кто «Последний день Помпеи» нарисовал (все согласно кивнули головой), должны были заплатить более трехсот тысяч рублей. А отстегивать ни за что ни про что тридцать тысяч ну никак не хотелось. Так ему не давали приступить к этой работе более полугода, – какие только преграды ни делали – то леса не поставят, то рамы со стеклом не подвозят, то не так поверхность стен подготовят. А он тоже на принцип пошел: «Удавлюсь, а платить не буду». Ну, опять же, как в России можно действовать? Только по благу! (Троица согласно кивнула головами). Хорошо, у Карла был прямой выход на семью Николая I. Ну, он продал эти дела, и в результате появился, пожалуй, единственный за всю историю России указ императора, конкретно запрещающий брать эту взятку. Чиновралы обалдели: всегда брали, а тут нет, но супротив Императора не попрешь! Вроде бы послушались, но гадить не перестали, то оставят в перегородке открытыми рамы, чтобы мраморная пыль на светлую краску оседала, то именно под куполом начнут варить смесь для пропитки стен, а это охра, олифа, масло, скипидар и еще куча всякой дряни. Карлуша попытался жаловаться, но бесполезно, всегда можно техническую необходимость обосновать. Так он поработал около года, получил болезнь типа силикоза легких, поехал лечиться в Италию, где и умер, не дожив и до пятидесяти лет. А заплатил бы взятку и жил спокойно!

– Я эту чиновничью сволочь вот своими руками бы давил, – Стас сжал кулаки до повеления суставов и аж ощерился. – Сколько с ними ни пытаешься договориться по-хорошему или даже за цену разумную, все равно на мелочи, но скособочить хотят. Иногда придешь, вроде все обговоришь, подпишешь бумаги какие своей ручкой, только отвлечешься или отойдешь куда, а ручки уже нет. Так что я шариковых теперь целый карман ношу. С ними ваа-ще без на... (он подозрительно взглянул на Дениса)... без посредника базарить – пустое дело. А этих, которые художника довели, мочить надо бы без разбора.

Стоматолог, будучи также еще на школьной экскурсии в Эрмитаже, картину «Последний день Помпеи» видел и запомнил. Правда, по простоте душевной он считал, что это что-то из времен то ли Первой, то ли Второй мировой войны и иногда подумывал поиметь с нее копию схожего размера (лучше, конечно, саму бы картину, но, трезво поразмыслив, решил, что это слишком хлопотное дело), когда соответствующий дом под нее построят.

– В ваших словах, Станислав Алексеевич, есть рациональное зерно, – несколько отвлекся от темы Рыбаков-старший, – в Китае один из императоров попробовал провести в жизнь эту идею и за взятки и за приписки приказал без суда и следствия казнить провинившихся чиновников, благо и силы для этого были, да и китайцы, уж насколько народ терпеливый, а невольготу стало – восстание за восстанием шло. В день, таким образом, до четырех тысяч чиновничьих голов рубили. Через полгода император решил проверить результаты своей инициативы.

И что же?

Число чиновников не уменьшилось, видимо, каждый считал себя умнее других и что уж он-то воровать будет по-умному. А доход казны не увеличился. И понял император, что «мочилровка», как вы ее себе представляете, – метод бесперспективный, и указ свой отменил. Так до сих пор никто ничего и не придумал.

– Кстати, а вы знаете, откуда пошло слово «рэкетир»?

Все удивленно подняли брови, вроде бы иностранное что-то.

– Это слово тоже у нас в Питере появилось. В 1722 году Правительственный сенат по указанию Петра I ввел официальную должность «генерала-рекетмейстера», в обязанность которого входило разбирать все жалобы на чиновников и сурово их наказывать. Только пустое все это дело оказалось (Рыбаков-старший горько вздохнул), ибо через полгода этого рекетмейстера с потрохами купили. Так он со всем своим штатом чиновникам служить и стал... Нет, уж, за что у нас государство ни возьмется, все только испортит! Бардак в головах внешними усилиями не ликвидировать, а вместе с головой, как показывает китайский опыт, тоже не получается.

– Так что? Рэкет у нас в законе, оказывается! – изумился Стае – Так что же тогда нам житья не дают?!

– Думаю, что рэкет сейчас принят за основу любой государственной деятельности, так что конкуренцию со стороны независимых структур власти постараются задавить в зародыше... Надеюсь, к вам, друзья мои, это отношения не имеет? – неожиданно заметил Рыбаков-старший.

– Конечно же, нет, – с пафосом ответил Антон. – Мы – честная посредническая фирма, только-только на жизнь зарабатываем (он жалостно вздохнул и посмотрел на ближайшую икону), но, естественно, интересы свои стараемся как-то защищать.

Стоматолог радостно закивал головой, видимо, вспоминая характерные способы этой самой защиты.

– Я хотел бы еще показать вам один интересный момент, – предложил Рыбаков-старший, – посмотрите на две модели куполов. Одна из них – купол Исаакиевского собора, изготовленная полтора века назад, а вторая – недавно.

– Дак это же Капитолий американский, – с удивлением заметил Стоматолог. – Я там на экскурсии был, когда одно дело с янкесами перетирали. Правда, буфет у них хреновый, да и все время подгоняют, все «плиз» да «плиз» и рукой на выход показывают. Хотел я одному особо настырному «негативу» по соплям дать, но партнер – бывший наш, как-то меня отвлек, а потом объяснил, что лучше тут с ними не связываться, а то и срок сразу схлопочешь за антиамериканскую деятельность, да и не поймут все равно. Одноклеточные, блин!

– Вот именно, Капитолийский в Вашингтоне, – продолжил Рыбаков-старший. – Сижу я как-то, смотрю последние известия по ящику про Америку, и возникают у меня какие-то ассоциации. Вроде бы что-то очень знакомое. Ну конечно, полез в архивы и что же? Оказывается, когда их «демократия» победила в 1864 году, кстати, с нашей помощью, но это отдельная тема, решили они строить Капитолий, и главный архитектор Вальтер (немец) решил, не мудр-

ствуя особенно, использовать опыт строительства Исаакия и запросил чертежи у нас, которые, конечно, и были высланы. Янкесы, как всегда, постарались чужое за гроши получить. Только почтовые расходы, ну и за копирование, наверное, что-то заплатили. Я сравнивал чертежи – большинство размеров в основном совпадают, разница иногда доходит до трех процентов и все! Написал я по этому поводу статью, народ с интересом воспринял. Когда было триста лет Питеру, и Лора Буш посетила Исаакий, она была невероятно изумлена, когда ей про это дело рассказали. С ней был директор Библиотеки Конгресса, она велела ему этот вопрос изучить, и у нас тут даже проводился по данной теме международный семинар, правда, меня пригласить на него как-то забыли. Но я не в обиде, кто-то работает, а кто-то на этом кормится, история потом всех на свои места расставит. Единственно, когда я здесь бываю с американцами, я им объясняю, что вся их демократия «крышует» нами как в переносном, так и в прямом смысле – чтобы нос не задирали. И что удивительно: янкесов почему-то это приводит в телячий восторг!

– А нельзя ли с них состричь капусты сейчас за использование нашего «ноу-хау», – переводя все в практическую плоскость? – спросил Стоматолог. – Мы с братьями нужную поддержку благому делу всегда бы обеспечили.

– Увы, на сие рассчитывать не приходится, – подумав, ответил Александр Николаевич, – тогда и законы другие были, и срок давности дела больше века. Правда, есть одна любопытная зацепочка. У нас проходит выставка «Настоятели Исаакиевского собора»; так вот, при подборе документов оказалось, что первый настоятель 1858–1860 годов был то ли моим однофамильцем, то ли родственником отдаленным; очень крутой мужик, за что и назначили его первым настоятелем Кафедрального собора России. Так что если встанет вопрос о приватизации собора, тут есть за что побороться.

– Ну, круто! – Стае обратился к Денису. – Если что, мы всех на уши поставим, ради такого дела никаких сил не пожалеем! Заодно, кстати, можно таким образом, и грехи замолить... если они у нас вдруг обнаружатся.

– Да не хочется мне с этим связываться, – ответил Денис – Ты подумай, сколько будет стоить его содержать, тут в трубу вылетишь со свистом. У меня и без этого дел хватает.

В этот моменту Антона загудел мобильник. Посмотрев на номер, он сказал:

– Приехали голубчики, ждут нас, а вам, Александр Николаевич, большое спасибо, полтора часа вы на нас потратили, а впечатление такое, что институтский курс по истории Петербурга прослушали. Прямо чего-то хочется сотворить этакое. Вы, если что надо, обращайтесь к нам, во всем поможем.

– Очень рад, что вам понравились мои рассказы, заходите ко мне и в Эрмитаж, когда время будет. Атак, пожалуй, все же одна просьба будет (он хитро посмотрел на Дениса). Вот сей товарищ редко домой к нам заходит, все ссылается на дела, проведите среди него воспитательную работу.

– Это запросто, – ответил Антон. – Пристыдим, отведем, проконтролируем, а то ведь и «остракизму» подвергнем (он подмигнул Денису).

– Само собой! Конечно! – подобострастным голосом Олега Табакова закончил Денис – А теперь – пока, действительно дела ждут.

– Когда были проведены первые предварительные переговоры с иностранными партнерами, выслушаны соображения Толи Нефтяника и Гугуцэ, перспективы стали представляться более оптимистичными. Антон позвонил Денису и сообщил, что завтра на десять утра, пока народ не разлетелся кто куда, он наметил общее собрание «мозгового» и «силового», как он выразился, коллектива и просил Дениса тоже подъехать.

– Завсегда с удовольствием, – ответил Денис.

– Вот и славненько, завтра к полдесятому Павел за тобой и заедет, – заключил Антон.

– Денис проснулся рано, организовал себе кофе, минут сорок погонял Ричарда в зеленой зоне напротив дома, пока тигровый бульдог не высунул язык и не попытался прилечь отдох-

нуть; потом принял легкий душ и ровно в половину десятого вышел из подъезда. Ксения, не привыкшая к подобным подвигам, преспокойно спала, прекрасно зная, что муж раньше, чем вечером не появится.

Павел уже ждал.

Быстро и без приключений подъехали к офису, так что оставшиеся десять минут Денис потратил на общение с уже собравшимися братками. Пожалуй, впервые почти все уважаемые бригадиры собрались вместе. Часть народа покуривала, немножко заинтригованная столь масштабным мероприятием. Если бы не цивильная форма одежды, собрание бы больше всего походило на олимпийскую сборную СССР, чем, в сущности, оно и являлось. Для желающих фырчала кофеварка и стояло несколько подносов с бутербродами, но особого ажиотажа это не вызывало; так, иногда, кто-то лениво пожевывал бутербродик с икоркой или буженинкой.

В десять все дружно повалили в конференц-зал офиса, где проходили самые многочисленные собрания бригады или прилюдные показательные «порки» наиболее обнаглевших барыг – в качестве своеобразного мастер-класса. Антон сел во главе Т-образного стола, вдоль которого разместились еще человек двадцать. Остальные засели за двухместные столы по стенам кабинета. Мебель была заказана с учетом габаритов братков, а размещались они, в основном, исходя из роста: те, что пониже, сидели поближе, а которые повыше – подальше. Получалось очень демократично, и наблюдался даже этакий «шарм» и некая гармония, как в древнеримском амфитеатре.

Денис традиционно сидел слева от Антона за боковым столиком, один или с Эдисоном. Пока все рассаживались, он позволил себе расслабиться и дать волю воображению. Уж очень это все смахивало на заседание правительства, коим нас почти ежедневно потчуют по ящику. Единственно, не хватает атрибутов власти и большого портрета президента. Денис задумался: а что если бы действительно поменять местами сии собрания? Наверное, никто особой разницы не почувствовал, окромя того, что у братков было больше жизненного опыта, да и знания русских реалий. Пожалуй, поболее здравого смысла во всех решениях проявилось, да и проводились бы они куда эффективнее, особенно в сфере наведения порядка!

Но об этом пока можно было только мечтать...

Антон начал говорить, и Денис начал его внимательно слушать, хотя услышать что-либо принципиально новое он не рассчитывал.

– Я тут прикинул насчет наших перспектив, – мрачно заявил Антон, – получается сплошная хренотень (при этих словах народ с некоторым удивлением на него воззрился, но, понимая, что зря он говорить не станет, немного поскрипел стульями, устраиваясь поудобнее, и принялся внимательно слушать). Я тут посчитал приход-расход, а кое с кем из вас даже специально поговорил: например, с Денисом посоветовался, с партнерами. Надо находить новые формы работы. На старом уж слишком стремно получается. Мелких барыг трясти – визгу много, шерсти мало. К особо серьезным не подступиться, уже у них все схвачено на самых верхах, а лезть туда – сразу антигосударственную деятельность и терроризм припаяют, отмываться себе дороже. Информация от ментов и чиновников стала стоить раз в пять дороже, совсем оборзели – пользуются тем, что им зарплаты резко подняли, так они и левак хотят побольше получать. Если все это дальше так пойдет, нам – кранты, на нормальную жизнь не наскрести будет.

А тут еще мы с Хоттабычем пересеклись. Он мужик правильный, добро помнит. Так вот, от его людей стало известно, что ментозавры предполагают в ближайшее время провести чистку города от криминала. Против нас у них прямых обвинений нет, но чуют, сволочи, по каким больным местам ударить можно. Подготовка идет серьезная, подтянуты будут ОМОН, РУБОП, налоговики да и еще кто-то из других городов – под предлогом антитеррористических учений или праздника городского. Хотят замести всех просто так, приедем-то все по барабану, а по ходу дела и обвинения можно менять и, главное, полностью нарушить наше взаимодействие. Потом оправиться будет очень сложно, если не невозможно вообще.

Фээсбэшники пока не в деле, ментозавры, борясь за чистоту своих «серых» костюмов, им наводок не дают, а те, видимо, в это дерьмо тоже сами лезть не хотят, но, как я понимаю, последние «шалости» некоторых наших неумных коллег у них отмечены. Я не против, когда проводятся непредусмотренные и нестандартные акции, но... всему есть предел. Даже если дразнить ментов. Может, хватит уже развлекаться – чай, не дети и не подростки. После сорока кости становятся хрупкими, да и реакция организма уже не та. Можно и не вернуться.

По данным Хоттабыча, на всю эту милицейско-прокурорскую акцию отводится примерно два месяца, ну и еще месяц, чтобы они об этом напрочь забыли. Поэтому предлагаю, может быть, не совсем по вкусу, но единственно возможное решение – на это время всем, кто находится под «опекой» правоохранителей, слить и лучше даже вообще из страны, как бы в коллективный отпуск. Остаться должны лишь те, кто имеет чистую крышу, например, Толя Нефтяник, Гугуцэ, Эдисон, я – наверное, ну еще, может быть, Кабаньч, Циолковский и Ля Шене останутся «на хозяйстве». Постараемся справиться... Пока! Можно, конечно, и в России остаться, ну, там, на юга поехать или, наоборот, на север, но опасность ментовских провокаций весьма высока, а придраться всегда найдут к чему. У нас здесь Сулик Абрамович и его компаньоны в большинстве случаев нейтрализуют это, а рыскать по стране – очень уж напряженно, да и дорого весьма будет... Может, теперь, кто что-то сказать хочет?

Рвущихся высказаться не наблюдалось.

Действительно, любые подобные собрания всегда оканчивались обсуждением каких-либо конкретных дел, каждый получал задание и со всей страстью нерастраченной энергии спешил его выполнять. Или проявлял инициативу, но всегда конкретную, а тут такая непонятка. Наконец прорезался Комбижирик.

– А что у нас такого? – спросил он. – Вроде бы все при деле. Работаем пока с профитом.

– Вот именно, пока! – Антон прервал Георгия. – Ты сам-то не замечаешь, что сил и времени стал больше тратить, а доход почти такой же.

– Так ведь инфляция, – неуверенно возразил Ком-бижирик.

– Само собой, – подтвердил Антон. – А дальше-то что будет? Скоро все твои ухищрения барыги наизусть знать будут, либо обманут запросто, либо сдадут. Ты что, не в курсе – у нас за этот год уже были две подставы серьезные; я не считаю, когда случайно бывает. А в прошлом году – лишь одна, а раньше – вообще ноль! Приходится думать...

– А ты посмотри, – включился Стоматолог, – как мы раскрутили Гагчину; теперь там постепенно все к рукам приберем.

– Да там много не получишь, – возразил Антон. – Если рынок и рестораны брать – навар небольшой, группировка «чехов» то ли распалась, то ли на дно залегла. Хорошо, тогда тебя еще вытащили, когда там какие-то спецдействия проводили, а то неизвестно, чем для тебя бы это кончилось.

Стас погрузился.

Действительно, если бы каким-то образом не появившиеся (как он потом узнал) спецы из Града*, дело могло бы кончиться для него печально.

– К тому же, в Гагчине в основном все схвачено ребятами от Хоттабыча, – вставил Глюк, – я как раз там с ними и пересекался. Если поговорить, конечно, можно что-то получить, Хоттабыч добро помнит. Только нужна ли нам такая хвороба?

– Вот именно, – резюмировал Антон. – Давайте по делу говорить, а не в ширину вдаваться. Может быть, попозже только и будем воспоминаниями делиться, – он немного подумал и добавил: – Если доживем, конечно. Так что остается тот единственный вариант, что я предлагал... Светочка, – обратился он к секретарше, – принеси, пожалуйста, визовые списки.

Через минуту перед Антоном лежало несколько листков. Он горестно посмотрел на них, вздохнул и скорбным голосом сообщил:

– Вот тут еще один результат нашей «деятельности». Это списки тех стран, куда уважаемым братанам путь заказан. Оглашаю, что разрешено, – это короче. Пока еще можно посещать Шенген – Антифашист (все заулыбались), Гоблин, Телепуз, Эдисон; Америка, в смысле США, – Горыныч, Ди-ди – Севен, Пых; Турция, Египет, Ближний Восток – Мизинчик, Нефтяник, Циолковский. Все! По остальным странам данных нет – так, разрозненные сведения. Как говорится, больше трех не собираться, наследили, где могли.

– А как насчет Непала? – неожиданно прорезался Стоматолог. – Я тут просмотрел путеводители по этой стране – очень мне понравилось. В долинах тепло, горы – супер, охота обалденная, реки горные – байды просто зашибись, а еще всякие монастыри с чудесами и отшельниками и снежные человеки чуть ли не по столице ихней бродят. Катманду называется! – гордо закончил он.

Антон подозрительно посмотрел на Рыбакова, изобразившего на лице внимание и понимание. Братва зашевелилась, загудела одобрительно.

– Твоя идея? – спросил Антон.

Денис молча развел руками, мол, было дело, но никак не ожидал такого поворота. Действительно, в каком-то разговоре с братками, обсуждая очередную операцию, где предлагалось использовать чуть ли не стратегическую авиацию, Денис сказал, что это не Непал, где такие акции, пожалуй, могли бы пройти. Но то, что Стоматолог примет это как руководство к действию, совсем как-то не предполагалось. А он то ли в турбюро заказ сделал, то ли интернет ему распечатал Гугуцэ. Стас, понятное дело, все запомнил и сейчас выложил.

– А, пожалуй, в этом есть резон! – Антон был реалистом, и такой вариант, если он устроит большинство братков, был вполне допустимым.

– Света, – он опять позвал секретаршу, – проверь, пожалуйста, сама, где этот самый Непал располагается, как туда добраться и все такое прочее. Видишь, решили коллективный отпуск на природе провести.

Света кивнула и исчезла.

Побазарили еще с полчаса, решая неотложные вопросы, но уже без особого энтузиазма. Мыслить сразу в двух направлениях не получалось. Антон это заметил и подытожил:

– Ладно, хватит базарить, подумайте все спокойно, но откладывать нельзя. Ясно. Все свободны, а вас (он посмотрел на Дениса) попрошу остаться, – закончил Антон.

Братаны, не привыкшие к долгому просиживанию штанов, встали, начали шумно расходиться, уже строя грандиозные планы того, как в максимально короткие сроки оставить возможную память о себе в пока еще дикой (по их понятиям) стране Непал, о которой некоторые вообще слышали впервые.

Антон с Денисом удалились в небольшой кабинет, где продолжили беседу.

– Пожалуй, ты правильную идейку подкинул братве. Они народ любознательный, да и далеко этот самый Непал, если что и натворят, то вряд ли с нашими ментозав-рами снюхаются. А что ты им сказал? – спросил Антон.

– Да так, совершенно случайно упомянул название страны, – ответил Денис, – просто первую попавшуюся, к теме пришлось. А он ведь запомнил и даже, похоже, путеводитель какой-то посмотрел. Столицу запомнил – Катманду. Может, по ассоциации какой?

– Может, согласился Антон, – только я тебя не по этому вопросу попросил остаться. После нашего разговора о перспективах я, естественно, кого надо напряг, да и по твоим наводкам прошел. Очень здравая и сулящая прибыль работа может быть по транспортной магистрали на шельфе Балтики. Тут завязки и на Европу, и даже на Штаты вырисовываются, стоимость огромная, да и легализоваться под нее вполне реально. Уже даже интерес у некоторых появился. Одно неясно – кого генеральным директором проекта ставить. У меня предложение к тебе – берись! Мы поможем и деньгами, и кадрами. Ну как?

– Послушай, Антон, – во взгляде Дениса читалась мировая скорбь пополам с апостольским убеждением, – ну сколько раз я говорил: не приспособлен я к серьезной политической деятельности. Там нормальные люди не удерживаются, потом, как своих убеждений быть не должно. Там как на батуте – делай, что хочешь, но чтобы голова по возможности была наверху и влюбленно смотрела на президента, да отпихивай конкурентов. А на этот проект надо уже известного публичного политика, желательно без мировоззрения вообще – сманить кого-либо из команды Жирика или Яблонского, но поставить за ним своих людей, чтобы по-серьезному не рыпались. Еще лучше забугорного какого бывшего президента или канцлера. Например, Берлуцconi или Шредера – самое бы то было! А я тут фигура непроходная, хотя во втором эшелоне за чисто символическую плату (Денис потупил взор и придал лицу выражение соблазнительной невинности), наверное, пользу принести мог бы. Да и к старости поднакопить что-нибудь на берегу Средиземного моря, яхтенку, может, концертник какой. Только маленький-маленький (он хитро поглядел на Антона), ведь там это крохи будут, а для меня о-го-го!

– Ну, не хочешь в этот проект, давай гендиректором в городок, что мы планируем за Гатчиной организовать. Уж там никакой политикой заниматься не надо. Только сиди, щеки надувай да бумаги подписывай. А то как-то неудобно – твои идеи, а прямого навару вроде и не хочешь?

– Почему не хочу? Очень даже не против, – оживился Денис, – только если я буду где-то сидеть, как мебель, и бумажки подписывать, когда мне думать останется? Ведь хорошая идея возникает в самом неподходящем месте и надо тут же, не торопясь, все обмозговать одному или побазарить с кем-то. И представь: у меня идея пришла на несколько лимонов, но пока не очень ясная, а тут ко мне с какими-то хозяйственными неурядицами валят или встречу с областным чиновником – придурком надо проводить. И все вмиг улетучивается! Давай лучше оставим все как есть: ты – фирма и кузнец кадров, которые, как говаривал отец всех народов товарищ Сталин, решают все. А я – скромный консультант и живу на малый процент, вроде как еврей-заместитель у русского председателя колхоза – пьяницы и коммуниста!

– Ну, как знаешь! – Антон, видимо, был готов к подобному финалу. – Я твою позицию знаю и уважаю, иногда даже завидую. Но все-таки хочется и тебя пристроить по серьезном.

– А вот этого не надо! – заключил Денис – Я, как кошка Киплинга, которая гуляет сама по себе, или как какая-то южноамериканская птичка, которая тут же отбрасывает лапки, если ее сажают в клетку.

В этот момент деликатно постучалась и с какими-то распечатками осторожно проскользнула к столу секретарша Света.

– Извините, Антон Борисович! – сообщила она. – Но вы просили срочно. Вот я связалась с фирмами и отделом выдачи виз. На удивление, в Непал никому из наших сотрудников въезд не закрыт. Заодно я проверила по всей Юго-Восточной Азии, Индии, Китаю. Там попадаются иногда запреты, особенно в Таиланд почему-то.

– Прекрасно, – Антон просмотрел листки, – распечатай их и перешли ребятам, пусть обсудят: кто, куда и зачем хочет отправиться, и быстренько подготовь все нужные документы. Света понимающе кивнула головой и исчезла.

– Кстати, у тебя какие планы? – обратился он к Денису.

– Пока особых нет, но за кордон не тянет, наверное, навещу своих не очень близких родственников в Вологодской губернии – давно приглашали. Места у них – просто русская сказка какая-то. По-моему, они до сих пор в перестройку не верят, поскольку цивилизация им ну совсем не нужна, обходятся как-то своими силами. Только новыми деньгами недовольны, уж больно часто они меняются. Привыкнуть не успевают.

– Это почище чем Урюпинск, – вставил Антон.

– А то! – продолжил Денис. – Потом к родителям Ксении съездим – давно обещали. Так месяца два и пройдет. Ко мне ведь привязок от ментуры вообще нет (Антон утвердительно

кивнул), если только косвенно зацепить могут через кого-нибудь из наших в качестве свидетеля. Наверное, на нас плохая ли, хорошая коллекция групповых фото в МВД есть. А специально вряд ли искать будут.

– У меня еще одна просьба, – уже вставая, сказал Антон. – Съезди с кем-нибудь из ребят за Гатчину, посмотри, мы там уже землицей под строительство обзавелись, а ты эти места знаешь, может, подскажешь что?

– Годится, – весело ответил Денис.

* * *

Чтобы не вызывать, как выразился Гоблин, «излишней нервозности и слюноотделения у гиббонов (сотрудников ГИБДД)» в Гатчину решили ехать всего на трех машинах. В первой разместились Армагеддонец, Рыбаков и Ортопед, во второй – Гоблин, Стоматолог и Эдисон с минимально необходимым набором аппаратуры слежения, третья машина как бы обеспечивала тыловое прикрытие, где Толя Нефтяник и Паниковский разместили небольшой арсенал: пару снайперских винтовок, пяток помповых ружей, гранатомет РПГ-29 «Вампир» и блок дымовых гранат. Денис хотел было остановить их, но потом подумал, что каким-то чудным образом на это все имелись официальные разрешения (кроме того, машина Толика имела номер, недосягаемый для проверок обезьян с полосатыми палками), вздохнул и промолчал. Не хотелось отбирать любимые игрушки. К тому же планируемая операция не предполагала проведения боевых операций, столь милых сердцам братков, так пусть уж хоть напоследок потешатся.

Из города выбрались быстро, начало весны настраивало на лирический лад, солнышко светило, яркие листочки торопились развернуться на еще просматриваемых кустах, в общем – лепота! Денис почему-то вспомнил начало учебы на филфаке, впал полностью в лирическое настроение и неожиданно даже для себя на мотив какого-то марша запел:

Там, к востоку от Суэца
Злу добру одна цена,
Десять заповедей – сказки,
И судьба на всех одна.
Голос бронзы колокольной
Нас позвал в суровый край,
Ждет британского,
Ждет далекий Мандалай.
Джунгли, солнце, враг в засаде!
Эй, дружок, не отставай!
Мы больных кладем под тенты,
Но идем на Мандалай!
Те, кто слышит зов Востока,
Не отступят, так и знай,
Есть у нас одна дорога!
Мандалай! Да Мандалай!
(Вольный перевод Черкасов)

Ортопед заерзал на заднем сиденье, где он до этого постарался вроде как вздремнуть.

– Слышишь, Диня, а чего это ты пел? Непонятка какая-то! Мандалай – это имя мужика с бородой!

Рыбаков в изумлении обернулся:

– Мишель! Ты чего это?! Классику знать надо! Мандалай – это бывшая крупная военная база англичан в Бирме, откуда они контролировали обширные районы Восточной Азии. А песню эту написал Редьярд Киплинг, правда, я немного переиначил перевод, чтобы по смыслу было ближе к оригиналу. Киплинг у англичан вроде Пушкина у нас, его там так и называют: «певец британской империи». И бороды у него, судя по портретам, не было. Откуда ты все это взял? Дак тут по ящику недавно выступал мужик известный – Михаил Задорнов, вроде лекции на международные темы толкал. Про янкесов. Там он и объяснил, что в Америке очень этого Мандалая уважают, но не все знают, кто он; правда, и нам толком ничего не сказал.

– Это какой Задорнов? – задумался Денис, – который министр финансов? Так это не его тема. Я что-то не врубаюсь. Ему-то какое дело?

– Да не министр это, а артист! Он из себя все при-блатненного строит, рассказывает, что его вроде бы все пацаны без базара за своего считают, а янкесы его боятся и паспорт ему закрыли.

Денис сначала удивленно смотрел на Ортопеда, потом, когда дошло, даже слегка взвизгнул от удовольствия. Ортопед воззрился на него с некоторым изумлением не понимая причины столь бурного веселья.

Отсмеявшись, Рыбаков снова обратился к Грызлову:

– Послушай, Миша! Если всерьез воспринимать тот бред, который нам дают по ящику, можно полным идиотом стать. Тут даже доктор Шеншелович не поможет. Ты еще Петросяна в качестве эксперта по экономике или маркетингу привлеки. Вот будет здорово. А вообще-то жалко мне всех этих недоучившихся инженеров, врачей и прочих, кому в жизни не повезло. Видно, совсем без толку институты кончали и никаким делом заняться не смогли, то ли по тупости, то ли по трусости. Теперь вот клоунами заделались, а считают, что в народ культуру несут. Мой тебе совет – не пытайся у них отыскать хоть каплю чего-то полезного.

– Что они нас – совсем за лохов держат? – вклинился в беседу, молчавший до этого Армагеддонец. – Я звякну пацанам, они его быстро отрихтуют, особенно, что он братанский коллектив не к месту цепляет.

– Да не связывайся ты с этим делом, – Рыбаков представил себе, что разговор может весьма печально отразиться на имидже и физическом состоянии, в общем-то, немного нахального, но по существу безвредного трепача. – У кого проколов не бывает, из эстрадных придурков он хоть иногда что-то свое пытается сказать, а не как остальные – вроде живых магнитофонов.

Армагеддонец задумался и неожиданно заявил:

– А может быть, нам туда своих пацанов продвинуть? Вот у тебя дружан Юрий Иванович, который с догом гуляет. Он такого рассказать может, что и по делу и смешно очень. А раскрутить его – плевое дело! И рекламу и где выступить – это вообще не вопрос. Все сделаем запросто.

– Не получится! – Рыбаков вздохнул. – Ведь смотри: Юрий Иванович и повар от Бога (Ортопед и Армагед-донец враз кивнули головами), и дело организовать сумел. Неужели он сменит свои занятия на фиглярство перед неизвестно кем, даже если вы ему приплачивать будете?! Я же говорил, если у человека в руках профессия есть, и он ее любит, то на кой хрен в сомнительные авантюры лезть? Да и метать бисер перед свиньями тоже не всякому удовольствие доставляют. А среди нас он и накормит от пуза и повеселит тоже. Лучше уж оставим его для внутреннего пользования. Для души! Не правда ли, Мишель? Само собой, – согласился Ортопед. – А вся эта фигня пошла в баню!

– Разумно, – добавил Армагеддонец. Далее несколько минут ехали молча.

Места на запад от Гатчины километров за десять-двадцать раньше принадлежали военным частям специального назначения, охотхозяйству и трем все время преобразующимся колхозам-совхозам. Землепользование крайне запутанное, поэтому хорошо подмазанные област-

ные чиновники легко передали нехилый кусок земли, особо не вдаваясь в подробности, кто там сейчас проживает, закрытому акционерному обществу «Возрождение», за которым стояла бригада Антона. Документы были оформлены полностью, и теперь следовало детально ознакомиться с приобретением, да и работу начинать. Раньше закончим – раньше навар пойдет! Это все понимали. Договор, умело составленный Суликом Абрамовичем, предусматривал практическую невозможность обратного изъятия земель, если там будут проведены определенные работы, контроль за которыми осуществлял Толя Нефтяник и Гугуцэ. Так что, несмотря на возможный отъезд «группы товарищей» работы надо было начинать немедленно.

Денис с удовольствием принял участие в этом мероприятии. Во-первых, немного отдохнуть просто так, глаза на окружающий мир, во-вторых, места за Гатчиной он знал более чем хорошо. Во время своей службы в спецвойсках, куда он пошел по собственной воле, уже отучившись почти четыре курса в Университете, район Сяськелево и Той-ворово, окружающие их леса, поля и болота он узнал более чем досконально. Программа обучения включала бегание, прыгание, лазание днем и ночью с полной выкладкой, что очень способствовало прояснению мозговой деятельности и вбивалось до полного автоматизма. После года таких «развлечений» джунгли Центральной Америки или Африки воспринимались совершенно спокойно. Больше неприятностей доставляли, пожалуй, прививки от всяких экзотических болезней, но если относиться ко всему философски, то и это пережить можно. Для выполнения кино – и фотофиксации под будущий проект и подготовки топографической съемки был еще прихвачен парнишка Саша, увешанный фото-, кино- и видеоаппаратурой. Денис его знал – парень толковый, учился в киноинженерном, подрабатывал у Антона, выполняя кое-какие заказы. Легальные, разумеется. Антон не стремился прославить свое имя в веках по роду той деятельности, которой приходилось заниматься. Подъехав к развилке, остановились. Дальше уже начиналась «наша земля», как сообщил Армагеддонец, объезжавший эти места с чиновником областного правительства. Денис вылез из машины, встал рядом с Ортопедом и примкнувшим к ним Стоматологом и, разминая слегка затекшие ноги, с удовольствием огляделся.

– Вот смотрю я, – Дениса опять потянуло на лирику, – знакомые места для меня пошли, вроде бы и пятнадцати лет как не было, а сейчас в казарму поторопиться придется! Ведь тяжело было физически до невозможности, а вспомнить все равно приятно, молодость ни на что поменять нельзя. Давайте отсюда и начнем панорамы снимать, а я на карте буду отмечать, что и где, все-таки привязку к местности здесь делать учили, так что вроде боевой опыт получается.

Парнишка на заднем сиденье засопел и начал распаковывать аппаратуру.

* * *

Целый день, проведенный на природе, кроме массы положительных эмоций и окончательного решения строить коттеджный городок (если подражать классикам – Нью-Гатчину) с автодромом мирового уровня, ипподромом лучше, чем в какой-то там занюханной Англии, олимпийской деревней, международным выставочным центром и, естественно, с коттеджами, достойно отражающими характер и размах братков, возбудил у большинства из них зверский аппетит. Тут мнение коллектива слегка разделилось. Большинство сразу же отправилось к заведению «У Литуса», процитировав его директору Виле-ну желательный расклад блюд.

Ортопед же со Стоматологом и примкнувший к ним Рыбаков решили заехать в Гатчину, где надо было перетереть один небольшой, но важный вопрос с человеком Хоттабыча, а потом по домам, поелику в связи с предстоящими «каникулами» у Миши и Стаса оказалась масса дел, да и Денис решил не откладывать анализ полученной за день информации. Договорились встретиться в кафе-баре, несколько легкомысленно именуемом «У Павлуши» и контролируемом Хоттабычем.

Саши, естественно, там не было, но один из его помощников, специально вызванный на эту встречу и теперь скучавший за столиком, узнал дорогих гостей, тут же радостно вскочил, усадил к себе и процитировал бармену весьма внушительный список того, что, по его мнению, могло благотворно воздействовать на организмы прибывших. Последние, естественно, не изображали из себя кисейных барышень и воздали столу должное. Поговорили о сегодняшнем положении дел, обсудили распределение ролей по контролю над Гатчинским рынком, рестораном и несколькими строениями, оказавшимися бесхозными в результате полного вытеснения «чехов»*. Правда, в данном случае это было не совсем точно. Гатчинский рынок держала весьма пестрая международная группа с преобладанием выходцев с Кавказа. Были там, конечно, и чистокровные славяне, но на вторых ролях. Сейчас они, не имея опыта и связей, пытались захватить кусок явно не по их зубам, что весьма печалило почтенных братанов. Глупость и беспредел еще никогда пользы не приносили, и все это следовало загасить на корню. Быстро решили стратегические вопросы, поделились тонкостями обращения со все более наглеющими барыгами и чиновниками, обсудили не совсем понятную кампанию правительства по пресечению так называемой «криминально организованной» деятельности.

– Лучше бы они в зеркало посмотрели, – заявил Ортопед, – ведь теперь разговариваешь с чинушей, и этот фрукт, слушая тебя, даже не понимает, что же он делать должен. Впечатление такое, что набрали то ли родственников, то ли знакомых, бывших в резерве... ну, там, в дурдомах или школах для умственно отсталых. Я им должен объяснять, что они подписать или прозвонить обязаны. А вот насчет деньги смекают быстро: сразу запузывают охренительную сумму – независимо от задачи: то ли ларек передвинуть, то ли рынок построить.

– Просто кровососы какие-то, – согласился дружественный браток. – Саня уже тоже начал отсеивать среди них производить, всех кормить – разоришься, да и запахло это!

– А что вы хотели, – включился в обсуждение Денис, – есть закон Мэрфи, который гласит: «Уровень профессиональной подготовки чиновников обратно пропорционален их количеству». А у нас только в процессе сокращения бюрократического аппарата, как верещали в правительстве, за последние годы их число увеличилось на тридцать процентов. Вот и лезут, как клопы голодные, на тепленькие места. Не успевают даже научиться хоть чему-нибудь. Вот ведь бедненькие!

– Всех бы к ногтю, – кровожадно заявил доселе молчавший Стоматолог.

– Ну, не совсем так, – возразил Денис, – без грамотного управления не то что государство, но и бригада не сможет работать.

Братаны согласно кивнули.

После сердечного прощания Стас, Денис и Михаил продолжили путь.

Ортопед вопреки обычаю не торопился, о чем-то размышлял.

Рыбаков прикидывал, не подремать ли на сытый желудок, как Михаил вдруг встрепенулся и спросил: – Все-таки я не понимаю, а кто же во всем этом виноват? Ну не поверю я, чтобы все в России были уж такими идиотами. Не иначе, как забугорная сволочь орудует, и я подозреваю даже кто!

– Мишель! Ты опять за свое, – сонливость у Дениса прошла враз. – Я же тебе говорил, меньше слушай доморощенных политиков у Гостинки. У них все просто, главное вдарить покрепче, не вникая в суть проблемы. А ты с их куцыми идейками носишься, как еврей с писаной торой! Ортопед даже слегка притормозил, открыл было рот, закрыл, пару секунд подумал и попросил: «Повтори, я чой-то не врубаюсь».

– Повторяю, – занудливым голосом сказал Денис, – носишься с их идейками, как еврей с писаной торой.

– По-моему, как дурак с писаной торбой, – неуверенно возразил Михаил.

– Увы, – Денис сел на любимого конька, – тут неправ не только ты, но и все, кто последние лет сто-сто пятьдесят это говорит. Мыслим логически. Торба – это мешок. И расписывать

мешок раньше не пришло бы на ум самому последнему дураку. Это сейчас на рюкзаках появились всякие надписи, картинки, фенечки и так далее. Сие говорит лишь о том, что степень идиотизма населения возрастает. Я не говорю о бредовости надписей или об убогом смысле картинок. А мое прочтение пословицы – классическое и имеет вполне логическое обоснование.

– Ну и какое же? – спросил Ортопед.

– Понимаешь, Мишель, – продолжил Денис, – у иудеев есть очень хорошая черта – это введливость, или более просто – четкое понимание цели и пути ее достижения. Тут с ними конкурировать бессмысленно, выживать они могут, только неукоснительно выполняя веками сложившиеся правила. Правила, которые в основном изложены в Торе. Конечно, фанатичное выполнение всех правил вряд ли сейчас вообще возможно, но сохранить стараются все. Это и не дает иудаизму развалиться, причем уже не первое тысячелетие. А как лучше всего сохранить и понять учение? Да просто переписать основные тезисы, а лучше основополагающий документ целиком, а не полагаться на его не всегда правильно изложение кем-то другим. Что, собственно, они и делают. Заодно свой родной язык не забывают. Где бы ни жил, на каком бы языке ни говорил, а перепишешь под руководством ребе страниц эдак тысячи полторы да еще без ошибок – навсегда запомнишь! У левитов – это одно из колен (родов по-нашему), кои были как бы наследственными хранителями закона – Торы, это вообще обязательно. У других – как почетная обязанность хотя бы что-то переписать. Ну а если ты всю Тору переписал – почет тебе и уважение!

Русские в этом плане просто лентяи, почитают адаптированную Библию, не поймут в ней половину, половину забудут, но мнят себя крутыми православными. Особенно вновь перековавшиеся коммунисты да кагэбэшники бывшие: одну молитву на три минуты заучат, какой рукой креститься, не знают; помнится, Ельцина по телеку показали, так у него в правой руке – свечка, и чем креститься прикажете?! Вот если бы их хоть в вечернюю церковноприходскую школу на годик, да записали бы они хоть основные положения – может быть, что-то и поняли. А так стоят в церквях, лица грустно-умные, а сами по сторонам зыркают – как я, мол, выгляжу; мысли, естественно, далеко-далеко – как бы кого облапошить и приличный навар получить.

Михаил мечтательно возвел глаза к небу.

– Нет, впрямь, Диня, я представляю себе, как все эти Жирики, Зурабовы да Лукьяновы за партией сидят и умные слова пишут, просто праздник души! – вспомнил я старый анекдот о том, что представляет собой каждая нация. Например, о евреях: один еврей – торговая точка, два еврея – первенство мира по шахматам, много евреев – ансамбль русских народных инструментов. А вот о русских: один русский – пьяный, два русских – драка, много русских – очередь за водкой. И нормальной нацией мы станем только тогда, когда о нас в народном фольклоре начнут говорить так (Денис задумался, пошевелил губами, поглядел на небо, подсказки не нашел)... Предположим: один русский – научный работник, два русских – первенство мира по игре в го, много русских – отсек межпланетной станции Земля-Марс. Или что-то в этом духе.

– Ты на дорогу не забывай посматривать, – едко заметил Денис, а то придется нам с тобой библейские истины изучать по первоисточнику.

– Не бойсь, – бодро ответил Михаил, – не пропадем! – И вдавил посильнее педаль газа.

* * *

К указанию Антона братаны отнеслись конкретно. В течение нескольких дней остальные дела были закончены, опекаемым были даны ценные указания и живописно представлено, что может произойти в случае их невыполнения. Самым гуманным в этом случае представлялось сдирание ржавой теркой кожи с сидалищных частей тела и обильное посыпание смесью соли нулевого помола с перцем. До этого вряд ли могло дойти, но профилактическая работа всегда

приносит больше пользы, чем лихорадочные и не всегда продуманные действия по ликвидации последствий.

Учитывая совершенно нездоровую активность «серых» по одномоментному задержанию всей бригады, исключая очень немногих, например, Антона, на которого в ментовке не было никаких улик, но и их надеялись взять из показаний подельников, естественно, напрасно. К сожалению, ментозавры, составляя особую подгруппу Гомо-сапиенсов, давно перестали понимать нормальные человеческие отношения и судили обо всех на своем – далеко не лучшем – примере.

Правда, и среди них бывают исключения, но, увы, крайне редкие.

Так, один из весьма высокопоставленных чинов МВД под впечатлением иллюзий о честных и принципиальных борцах за законность и порядок, еще в советское время достиг определенного положения. Тем не менее, его ум и честность сильно подпортили дальнейшее продвижение, когда с приходом перестройки и мутным валом недалеких, но нахальных хапуг, хлынувших в органы исполнения законов, идеалы поменялись на противоположные. Однако менять профессию было уже поздно, а становиться откровенным подлецом тоже не хотелось; сбережений же у него, как и у всякого честного человека в России, не было. Каким-то образом он познакомился с Гоблином и в порыве откровения, обсуждая весьма грустное положение в их системе, иногда высказывал наболевшее журналисту Чернову, понимая или подозревая, что тот неплохо осведомлен о деятельности той части населения, которая пыталась – не всегда светскими методами – выжить в трясине тупости и беззакония власти. Чернов, как мог, старался чисто по-человечески помогать полковнику, беря у него интервью и оплачивая их по максимуму, а также содействуя в некоторых житейских ситуациях, где честный милиционер, увы, мало что мог сделать. От него он и узнал о гневном приказе сверху – «накрыть, забрать и примерно наказать» как можно больше так называемых «криминально-ориентированных» нарушителей законов. Министр, издавший этот приказ, не озаботился его засекретить, поэтому разглашение его преступлением не являлось. К тому же подробное разъяснение, как его реально применить, было разослано во все районные управления города, где с ним поступили так, как обычно это делается со всеми бумагами, не сулящими быстрой и конкретной прибыли исполнителям, то есть положили «под сукно» (раньше столы покрывались сукном – чаще всего зеленым, как в игорных домах) до второго, уже более сурового приказа. И тут родная милиция повторила давно сложившуюся в армии мирного времени практику. Так, на первый приказ обычно не реагируют (надеясь, что верхний эшелон власти его либо отменит, либо забудет), но если приказ через некоторое время дублируется, то его отработка начинается уже в полном объеме, причем сроки выполнения, естественно, устанавливаются в соответствии с первым приказом. Отсюда аврал, неразбериха, наказание невиновных и награждение непричастных. Все идет точно по закону Мэрфи!

Из беседы с полковником Гоблин путем логических построений, учитывая скорость осознания и отработки вводной всеми звеньями карательной машины МВД, определил, что спокойной жизни им остается еще максимум семь-десять дней. Потом могут наступить весьма хлопотные времена, поскольку, судя по приказу, текст которого прикормленный мент из одного из районных отделений по своей инициативе за весьма небольшую мзду передал Диме, министру хотелось много крови и одними бомжами, да жадными наркодельцами отделаться на сей раз было просто невозможно.

Коллективный отпуск был, конечно, желателен, но и какие-то меры подстраховки следовало предпринять. В частности, слегка запутать ментуру.

Для этого в бригаде заблаговременно была предпринята операция по легальному обеспечению всех ее членов вполне официальными паспортами с другой фамилией. Был использован принятый Думой закон, пролоббированный московскими олигархами с помощью всемогущего Су-лика Волосатого и до предела упрощающий замену имени и фамилии граждан.

Так, на всякий случай.

Несколько лет назад все братаны вдруг решили поменять свои фамилии на второго из родителей, а проживание оформить по имеющимся у них в избытке адресам.

После получения абсолютно чистых и законных документов они их «потеряли» и опять возвратились к началу этой эпопеи. Такое положение дел обеспечивало некоторые сложности при поисках и проверке их документов, например, при покупке авиа – или железнодорожных билетов, и не тянуло на серьезное преступление. Сулик в этом случае мог все свалить на нерасторопность паспортных служб, предоставив им возможность самостоятельно разбираться: кто, где и почему.

Трезово рассудив, что если вся команда отправится в Непал, то через месяц его смело можно будет назвать «Пропал»; поэтому решили все-таки рассредоточиться по миру.

Часть народа, которому не доставляло удовольствия лазать по горам и надолго отрываться от цивилизации, решила совершить круиз по теплым морям. Для этого был зафрахтован небольшой прогулочный теплоход «Арго», длиной где-то около ста пятидесяти метров, предназначенный для дальних морских походов с максимальным комфортом и длительными стоянками в фешенебельных портах и вблизи самых экзотических островов Индийского и Тихого океанов, а также западного побережья Южной Америки. Большинство братков там не бывало, поэтому быстро образовалась компания энтузиастов в лице Бэт-мена, Вазелиныча, Лысого Садиста, Пыха, Фауста и Винни. Особую прелесть этому путешествию придавало то, что судно было построено в Германии по заказу Турции, ходило под флагом Камбоджи и было, приписано к болгарскому порту Бургас, откуда, кстати, было большинство команды. Так что особого языкового барьера не предполагалось, чтобы не утомлять братков всякими там переводчицами. В плавание, кроме того, отправлялся небольшой шоу-коллектив, дабы скрасить некоторое однообразие морских переходов. К услугам пассажиров была наготове команда инструкторов-дайверов, готовая сопровождать любознательных пассажиров в глубины морей и океанов и показать все, что там они захотят увидеть. Посему срочно пришлось заказать снаряжение, которое подходило бы под размер будущих экстремалов – любителей. В этой поездке практическим аспектом могло оказаться и знакомство с реалиями морского дела. Ведь высказанная когда-то идея обзавестись собственными яхтами, но пока – за неимением времени – не реализованная, отнюдь не пропала. А ознакомиться на практике, что это такое, для реальных братков отнюдь не представлялось напрасной потерей времени. К тому же, если с Европой и США были налажены некоторые деловые связи, то остальной мир пока еще не приносил доходов коллективу, что являлось большим упущением. На судне была организована современная компьютерная и радиосвязь, что лишь способствовало рабочему процессу. Списки запасов и номенклатуры спиртного также были заранее согласованы. К тому же Циолковский отправил туда пару контейнеров его продукции с учетом трехмесячного непрерывного использования. Конечно, это был некоторый перегиб, но лучше немного перестраховаться, чем потом прибегать к суетливым телодвижениям. Одновременно был отправлен и небольшой контейнер с оружием для надводной и подводной охоты. Как это удалось сделать Берестову, он особо не рассказывал; наверное, какая-то из таможен им особо опекалась, но формально все было абсолютно законно. Кроме всяких помповых ружей и охотничьих снайперских винтовок, так, на всякий случай, братков дополнительно обеспечили автоматическим оружием и парочкой «Утесов» для ведения огня на суше и под водой. Мало ли что может случиться? На теплоходе был еще первый класс (братки, естественно, были помещены в люкс), где должна была разместиться какая-то корпоративная международная группа человек в тридцать. Но братки – народ абсолютно демократичный и на такую мелочь особого внимания не обратили. Тем более что международники считались деловыми ребятами. Была вероятность налаживания новых связей, которые, конечно, отнюдь не помешают, особенно, с учетом того, что возникнут в спокойной и дружелюбной обстановке.

Группа вылетала из Питерского аэропорта первой, поэтому провожали ее достойно, но, чтобы не привлекать внимания уже заворотившихся МВД-шников, малым составом и без обязательного в таких случаях разгрома аэропортовского ресторана. С собой у отлетавших было только разрешенное (остальное ушло в контейнере с оружием), документы в полном порядке, на лицах одухотворенная усталость и желание тихого отдыха. Провожать и посмотреть, чтобы все было нормально, отправились Ди-Ди-Севен, Эдисон, Паниковский и в последний момент соблазненный поездкой Рыбаков, зашедший к своему почти что тезке – Диме Цветкову обсудить какую-то туманную идею из области электроники.

Все понимали важность момента, никто не выпендривался. Благодично прошли в самолет. Провожающие дождались, когда самолет взлетел, дождались подтверждения с борта, что «все пучком», и облегченно вздохнули. Все пока шло по плану. Цветков предложил Денису подкинуть его до дома, тем более что лишние полчаса и сорок километров пробега сейчас уже погоды не делали.

Эдисон, умиротворенный проделанным, неспешно вел машину под музыкальные заставки радиостанции «Азия-минус», всегда находившей отклик в душах правильных братьев.

– Слушай, Дима, – вдруг проговорил Денис, – вот смотрю я на тебя и никак понять не могу. Ведь то, что ты вытворяешь с техникой, по-моему, вообще с чудесами граничит. Прибамбасы, которые ты ставишь, в мире, наверное, лет через десять-пятнадцать только появятся. Тебе бы не в подполье творить все эти чудеса, а директором большого международного института быть, нобелевки каждые год-два получать или, как тот же Билл Гейтс, этак миллиардов на сто компанию завести, по симпозиумам ездить; президенты всякие за честь пожать тебе руку хотели бы, страны за филиалы дрались бы. Я понимаю, что ты и сейчас любимым делом занят, но как бы сказал Ван Зайчик, «несообразно все получается».

Цветков помрачнел, наверное, о чем-то подобном он и сам размышлял.

– Вообще-то я этой темы с братьями не обсуждал, но вроде бы перегорело все, и рассказать можно. Наверное, поймешь, ведь ты сам через похожее проходил. Так вот. С детства болел электроникой, в Дом пионеров ходил, на конкурсах всякие места занимал. Но не это главное, уж очень интересная область знаний – железки, изоляторы и кристаллы какие-то, а позволяют создать практически все, что только можно вообразить, не нарушая основных законов природы, просто волшебство какое-то. Поступил в ЛИИЖТ на электрооборудование и автоматику, просто рядом жил, а с молодых лет не люблю рано вставать. Учебные предметы во всех вузах примерно на одном уровне были, а куда поставить электронную игрушку – это меня не особо волновало – то ли на паровоз, то ли на ракету – не суть важно. В основном в СНО (студенческое научное общество) сидел на перспективных разработках. Мы тогда даже на нашей весьма не передовой электронной базе делали вещи не хуже, чем у янкесов. Мы лет на десять раньше сделали то, что потом Гейтс дотумкал, соединили в единую сеть несколько ЭВМ типа ЕС1020. Потом, правда, разъединили, поскольку на какой-то из них расчеты секретные делали. Спецотдел и прицепился, чуть в разглашении военной тайны не обвинили и допусков (допуск – форма секретности в СССР) лишиться грозились. А это вылет из института, где почти, что любой бред – секрет! Я не выдержал тогда, назвал их дебилами и тупарями – схлопотал выговор по комсомольской линии, ну и они это, конечно, запомнили. Как Окуджава пел: «Кричат дуракам – дураки! дураки! А это им очень обидно». После института в аспирантуре сразу оставили, у меня к тому времени уже больше десятка изобретений оформлено было. Да все секретно или ДСП (для служебного пользования); ну, мне по молодости это льстило, вроде как щит Родины укрепляю. Тему мне дали сделать вроде Интернета на всю железнодорожную сеть страны, но главное, чтобы помехоустойчивость и защищенность абсолютная была хоть от атомного удара, хоть от хакеров или внешней прослушки, хотя такого слова еще мы не знали. Очень неприятная история для этих самых спецотделов произошла. Несколько вагонов

японского электронного оборудования по железной дороге через всю страну в Европу везли, а потом как-то, уже оборудование во Франции было, узнали, что эти приборы записывали все электронные сигналы от радиолокации, самолетов и так далее – вдоль границ с Китаем, а потом и в центральной России, Москва в том числе, все частоты радионаблюдения засекали. Наши в крик, но бесполезно! Полетели, конечно, с должностей многие, но... поезд ушел!

Вообще, группа, где я учился, подобралась на редкость удачно, сачков не было, все фанаты электроники, но и мирских удовольствий не забывали. Я, правда, как-то ровно к этому дышал; пить не умею: лишнюю стопку примешь и потом о себе такого наслушаешься, что не верится. Но старался не отставать. Ребята по стране разъехались, все на хорошие, интересные места попали. Но «альма – матер» не забывали и обычно на годовщины защиты дипломов в начале мая не все, но кто мог, в Питер приезжали; ну, тут веселье на всю катушку! Вроде бы и денег хватало. Когда у меня аспирантура кончалась, диссертация вполне приличная написана, делать уже нечего, приехали ребята с Камчатки и Новосибирска – они по сравнению с нашими раз в пять больше получали. Ну и начали мы вояж по всем ресторациям города! В один из дней, когда им уже уезжать надо было, забрели тут на Московском в ресторацию; зал большой, народу много, но нам-то как-то по фигу. Свободным оказался столик в дальнем от двери углу, куда мы все шестеро и поместились. Но, как стало ясно в дальнейшем, это была наша стратегическая ошибка. Заказали салатки, что-то горячее, водчонку, естественно. Тогда было модно (после просмотра фильма «Семнадцать мгновений весны») подражать Штирлицу; поэтому мы встали, сдвинули рюмки и трижды крикнули «Зиг хай», в общем, пожелали победы как бы. И тут случилось совершенно непредвиденное. Сначала молчание несколько секунд, потом все сидевшие за ближайшими столиками – в основном пожилые (в гражданском, но с полными иконостасами орденов на груди) бросились к нам. И только тут до меня дошло, что сегодня – десятое мая, и это встреча ветеранов. Наверное, до остальных это тоже дошло. Мы обалдели. Тем временем толпа нас окружила с явным намерением если не разорвать нас на куски, то уж живого места не оставить. Сил у них, конечно, было маловато, но боевого задора – дай Бог каждому! Некоторые уже было начали хватать нас за грудки. Хорошо, никто из наших какого-либо сопротивления не оказывал, а то точно нас бы размазали. Нашелся среди них разумный человек, видимо, кто-то из командиров, и закричал: «Отставить! Вызвать милицию». Менты появились мгновенно, наверное, они это собрание охраняли; нас по-быстрому сунули в «луноход» (милицейский УАЗ) и в ближайшее отделение. В общем, всем вломили по полной программе. Ребят задержали на пару дней; но, поскольку дальше Сибири все равно было не отправить, то, содрав со всех совершенно дикие штрафы, нас кое-как отпустили. А на меня дополнительно «телегу» в институт и административное взыскание; вроде как в «Приключения Шурика» попал, только в натуре. Вот тут-то я наших ментов любить и перестал. За те две недели бессмысленных унижений век им мстить буду! Когда появился в институте, то даже на кафедру не пустили. Вынесли несколько книжек моих и – всё! Объяснили, что я отчислен из аспирантуры за систематическую и злостную клевету на советский образ жизни, допуск у меня отобран, и если я сейчас же его не отдам, то мне светит сразу три-пять лет тюрьмы. А к моим работам я тоже допущен быть не могу, ибо там есть государственные секреты, с которыми мне знакомиться нельзя. А несекретные мои записи из стола они по указанию первого отдела, увы, сожгли, так что, гуляй, дорогой товарищ... А домашних моих уже предупредили, что их сын – тунеядец, и если он не представит справки с места работы, то поедет на поселение «на химию» (заводы с вредным для человека циклом производства), где будет трудиться, пока не станет честным тружеником. Ну, полный аут! Хорошо, один мужик, которому я телевизор починил и еще что-то, устроил меня оператором газовой котельной, там все нормальные люди тогда работали, я попал как раз на то место, где прежде Бродский парился. Мне там так и сказали: «Отсюда нобелевские лауреаты, как чертики из коробки, выскакивают. Режим – сутки–трое. Пока в котельной – и литературу по специальности время есть почитать. Правда,

понемногу озверевать стал; смотрю, все мои работы придурки партийные с нашей кафедры публиковать начали под своими именами. Одно хорошо – дурачье ничего не поняло, только терминов позаковыристее понаписали да с такими ошибками, что ни понять, ни сделать по-ихнему ничего нельзя, кроме диссертаций. Я потом проверил – штук десять докторских из моей работы получилось! А потом я и за этим следить перестал; они ведь, как обезьяны по закону Мэрфи работают, «что сложнее палки или веревки» им уже не понять. Потом вроде полегче стало, кооперативы появились; я в один из них и перебрался, правда, сначала на мне все кому не лень ездили. Потом как-то вышел на Антона, вот он и предложил реальную работу без кидалова, да и деньги на настоящее дело не жалеет. А уж ребят в команду себе я подобрал, просто зашибись! Если бы нормальная страна была, цены бы им не было, янкесов бы раком поставили; да только не надо нашим чиновникам от науки всего этого, им бы карман в офшоре набить да с семьей слинять за рубеж. Тоскливо, Диня, становится...

Денис не прерывал этого монолога, он понимал: хоть иногда да хочется изложить, что на душе скопилось. Поэтому он тактично «не замечал», как Цветков раза в три удлинил маршрут их поездки, делая замысловатые петли по наименее загруженным автомобилями магистралям.

– К сожалению, ты прав, – Денис задымил сигаретой. – Возьми любого из нашего коллектива. Ведь никто сам во всякие сомнительные дела не лез – выдавили: то ли законами дурачили, то ли подяжкой от милиции или исполнительной (чужой воли, разумеется) власти. Многие просто сломались, кто смог, за рубеж слинял, только ведь это не выход. Все равно им там за державу обидно, если еще не совсем от сытной жизни освинячились. Ну а мы тут вроде последнего рубежа обороны... Ты, кстати, свернул бы направо, а то к моему дому раньше полуночи не подвезешь. А мне ведь еще и Ксанку приголубить надо, и с Ричардом погулять.

* * *

С выразившими желание совершить индивидуальные туры особых проблем не возникло. Света, секретарь Антона, естественно, с помощью опекаемых турфирм оформила длительные поездки для Винни, Го-рыныча, Паниковского и еще нескольких человек. Особо приветствовались семейные туры, что в некоторой степени позволяло уберечь глав семейств от необдуманных поступков. Оформление в основном шло через Москву, выезд или вылет через бывшие страны Варшавского договора, правительства которых совершенно не интересовались прошлым и настоящим проезжающих транзитом русских туристов. А если бы российские правоохранительные органы вдруг попросили бы помочь в задержании или проверке кого-либо, то с каким удовольствием все было бы сделано наоборот. Ставшие легендарными ужастики, так называемой советской оккупации, привели к появлению поколения, стремящегося по возможности нагадить тем, кто сейчас живет в России. К сожалению, непонимание неизбежных законов развития стран и того, что Запад сам толкал эти страны в сторону СССР, а потом разыгрывал фальшивые сценарии, плача от жалости крокодильими слезами, крепко укоренилось в малодумающих, но желающих много кушать и хорошо жить головах теперешнего электората. Впрочем, это была и есть задача правительства России – поднять свой имидж, а браткам на данном этапе это отнюдь не мешало; и все проходило на удивление спокойно. Конечно, наиболее сложным делом было отправить группу, интересующуюся горной страной Непал. Туда вошли Василий Могильный (Армагеддонец), Аркадий Клюгенштейн (Глюк), Георгий Собинов (Комбиджирик), Павел Кузьмичев (Мизинчик), Миша Грызлов (Ортопед), Стас Иванов (Стоматолог), Сергей Александров (Тулип) и Григорий Штукенштейндер (Телепуз). Поодиночке просачиваться к намеченной цели им не хотелось, да и было опасно непредсказуемостью поведения наиболее активной части бригады. Всегда существовала возможность, что, предоставленные самим себе, каждый из них в любой момент мог вмешаться в какую-либо историю, где, по мнению братка, что-то делалось не так. Например, начать учить гаишников вежливости,

переворачивая их машины и забрасывая табельное оружие в какие-то неподходящие места, учинять полный разгром предприятий общественного питания, если предлагаемый набор продуктов не соответствовал призывной рекламе или срок чего-то прошел, примерное наказание с поломкой мебели и сжигания официальных бумаг нерадивых чиновников, не по справедливости обходящихся с незнающим свои права населением. Да мало ли было еще поводов принять активную жизненную позицию. В коллективе это было сложнее, так как надо было разозлить всех, на что старающиеся сохранить свое здоровье и собственность окружающие обычно не шли. Выход был найден, как всегда, достаточно простой и понятный.

Толя Нефтяник постарался как можно шире распространить информацию о том, что для геологических исследований совершенно неисследованного региона Сибири создана бригада высококлассных специалистов, где по косвенным признакам находится то ли потерпевший катастрофу еще в доисторические времена космический корабль пришельцев, то ли совершенно уникальное месторождение редкоземельных элементов. Корреспондент газеты «МК в СПб, Прима» Дима Стешин написал об этом удивительном феномене статью на целый разворот, сопроводив его туманными фотографиями и фрагментами карт. Тему подхватили более мелкие местные газеты: «Вестник НЛО в Питере», «Час треф» (правда, без разрешения автора); проскользнуло сообщение в местном ТВ и на радиостанции «Азия минус». Везде подчеркивалось, кто спонсирует это мероприятие, какие могут быть дивиденды для страны, – но как же это все сложно было организовать!

Полузнакомые бизнесмены попытались присоединиться к этому мероприятию, однако Анатолий Берестов только глубокомысленно надувал щеки, говорил о неопределенности результата и обещал в случае успеха принять в долю... на следующий год.

Под все эти разговоры, естественно, дошедшие и до тех структур, для коих это и было предназначено, в опломбированных контейнерах на самолетах в Хабаровск было отправлено соответствующее оборудование, обеспечивающее выживание и защиту роты солдат от любого врага в течение месяца. Справедливо рассудив, что Непал – страна дикая (мало ли что может случиться!), а о чувстве какой-либо неудовлетворенности не могло быть и речи, братки взялись за дело. Было учтено все вплоть до небольшого электрогенератора, работающего на бензине или мускульной энергии, для подзарядки радиотелефонов, инфракрасной оптики, лазерных прицелов и так далее.

Из Питера группа должна была отправиться на специальном автобусе, конкретно переделанном для подобных случаев под габариты и вкусы братков, в сопровождении двух, мало отличающихся от милицейских, машин частного охранного предприятия «Пушинка», имеющего гослицензию. Так что в пути особых задержек не предполагалось. Отъезд группы должен был проконтролировать Нефтяник, во дворе офиса которого и формировалась эта колонна. Машины братанов решили на это время там, в гараже, и оставить. В районе Владимира их ожидал зафрахтованный самолет военно-транспортной авиации, что обеспечивало отсутствие шибко любопытных, и весь дальнейший маршрут над территорией России должен был быть выполнен на нем. Вечером Денису позвонил Стоматолог и предложил заехать за ним в день отъезда, чтобы напоследок задать кой– какие вопросы.

– Получается, что в ближайшее время побазарить конкретно будет затруднительно, – сказал он, – а по телефону как-то неудобняк получится, да мало ли какие дела у нас там будут, может, и времени на все не хватит.

– Конечно, – согласился Денис, – я обязательно бы прибыл к Толику, так что заезжай.

Когда Денис возвращался с утренней прогулки с Ричардом, у его подъезда уже стоял «Шевроле-суперУниверсал» Стаса Иванова.

– Я не стал подниматься, – приветственно помахав из окна рукой, сказал Стас, – знаю, что Ксанка у тебя еще спит, да и наши соберутся не ранее чем через час, а мне что-то торопиться неохота.

– Ну, подожди минут пять, – ответил Денис.

Он отвел собаку домой, переделся в цивильный костюм, поглядел на безмятежно спящую жену и тихонько вышел.

– Так какие у нас проблемы? – спросил он, садясь в машину.

Иванов был в своем любимом походном костюме со множеством чем-то забитых карманов. На заднем сиденье лежали две битком набитые спортивные сумки.

– А Галя-то придет тебя проводить? – поинтересовался Денис.

– Как же, конечно, но у нее какие-то дела образовались, так что сразу к Толяну. Вообще-то я хотел ее с собой прихватить, но она решила в Карловы Вары съездить. Говорит, там всякие процедуры для успокоения нервов принять должна, чтобы, когда я приеду, в обморок не падать от моих рассказов.

– Логично, – согласился Денис. Они стали медленно отъезжать.

– Ну, так, давай свои вопросы, – сказал Денис. Стас задумчиво вздохнул и несколько неожиданно спросил:

– Денис, а почему бы нам не создать свою партию? Денис, мысли которого в сей момент были весьма далеки от политических экзерсисов, удивленно посмотрел на Стаса, но признаков тихого помешательства, свойственного начинающим мессиям и проповедникам, не обнаружил.

– А почему тебе эта идея вдруг пришла? – спросил он. – Тебе что, делать нечего или мировой известности захотел, а может, подсказал кто. Да мы тут с братьями поразорили, и оно как-то само собой получилось. А че? Вон, по ящику, только их и показывают. И все у них вроде бы путем. Даже когда партия разваливается, и то все при хлебных местах остаются! Мы тут тоже прикинули – можно и билеты членские красивые сделать, и съезды всякие организовать, опять же в Думу своих людей постепенно проталкивать. И все легально. Вон, смотри, у Жирика пятьдесят квартир и машин по всей стране записано было, так ведь ни их, ни его не тронули. Ну, переписал он, конечно, кое-что на своих – и всё! Те же коммуняки полный бред несут и хоть бы что! А мы бы могли под все это большие планы реализовывать да еще с поддержкой народа. Красота, да и только! Вот только название партии никак не можем придумать; и тут ты нам, наверное, в силах помочь...

– Вот этого мне для полного счастья в жизни только и не хватало, – развеселился Денис, – можно, конечно, любое название взять, например «Совсем наши» или «Честные разборщики», а может, «Горячие»; все что угодно пойдет! Только вот главный вопрос вы там себе не задали: «Что же такое партия вообще, и какая у нее основная цель?». То, что ты перечислил, – это все шелуха, надо в корень смотреть! Давай-ка устроим небольшой ликбез.

Стоматолог согласно кивнул. – Слушай сюда! Кстати, можешь включить запись, чтобы братьям это тоже дать послушать. Может, от иллюзий излечит.

Стоматолог щелкнул тумблеро. -Начнем с определений. Зачем вообще создаются партии? Ответ: чтобы захватить власть и использовать ее в личных корыстных целях. Всё! Остальное – это уже вопросы техники. Ну, например, кто создает какую-либо партию? Ответ – небольшая группа лиц, не больше нескольких десятков, обычно, которые в жизни получили полный облом. Ни профессий у них, ни способностей что-либо делать вообще, а мнение о себе высокое. Куда деваться – в политику, там все равно одни пустобрехи и бездельники, вот среди них, если поорать погромче, можно и пробиться. А лозунги любые сойдут. Кстати, набор приманок для привлечения, вообще-то, очень ограничен. Это свобода, равенство, улучшение жизни, законность, ну и производные от этих понятий. И истошный крик: «Когда мы вместе – мы непобедимы!». Причем, заметь, чем примитивнее лозунг, тем больше народу клонет. Девяносто девять процентов людей вообще думать не хотят и не могут, а лозунги типа «Распределим поровну или по совести!», «Построим общество с человеческим лицом!», «Достойную плату за честный труд!» или «Поднимем нацию с колен!» понятны любому идиоту, вот они в партию и идут. А руководители, как только народишко к ним повалил, сразу начинают создавать «пар-

тийную структуру» – опять же для тех, кто ничего не добился, а поруководить и выделиться из серой массы хочет. Ну, тут уж полное раздолье, обязательно партбилеты, значки, форма или платки, ячейки, съезды, демонстрации по любому поводу, разные мероприятия. Особенно же они любят благотворительность – сделать на копейку, а орать о ста рублях. И ещё любят бороться за «чистоту рядов». Вот недавно «Наши» – это молодежное объединение правящей партии, устроило демонстративное сожжение книг, не понравившихся авторов. Книги, действительно, дерьмо, но прецедент уж больно знакомый. Сейчас жгут книги, а как вырастут и придут к власти, то начнут жечь авторов, а заодно и тех, кто их читает, ну и вообще любых инакомыслящих. В истории человечества это уже было; последний пример – весьма недавно, когда тоже молодежь из национал-социалистической рабочей партии Германии решила несколько изменить состав классического наследия, сначала по книгам, а потом и по головам, где они могли сохраняться. Итог – 50 миллионов жизней! В Советском Союзе тоже подобные чистки по библиотекам проводились, правда, не афишировались. А до того: инквизиция, Византия, Древний Китай. Опять же цель понятна – то, что сказал партбосс, – истина абсолютная, а все остальное – фуфло, его и знать не надо. – Ну уж, не так все примитивно, – вклинился в монолог начитанный Стас – Я и с Гоблином по этому вопросу немного побазарил. Мне вот кажется, что немножко не по твоим рассуждениям у нас партия власти и большинства в Думе образовалась. Там все чиновники, которые на хлебных местах уже сидят, объединились; им – то зачем власть захватывать, она ведь у них уже есть?!

– Тут есть некоторое различие, но оно не принципиальное. Власть они захватывали, когда во всяких мелких партиях были или вообще через подставных лиц деньги получили, чтобы на поводке их держать. А теперь вроде бы самостоятельными хотят быть, добро ведь быстро забывается, а платить по счетам ой как неохота. Вот ты по своим барыгам это отменно знаешь. (Стас согласно кивнул.) Им теперь надо власть – то ту сохранить, новые – то все время лезут, скинуть стараются. А тут лафа – сверху вроде призыва «объединяйтесь», есть лозунги, ну, мы их повторять не будем, все силовики там, в случае чего прикроют. И прежним спонсорам можно сказать: «Увы, рад бы сделать, но... партийная дисциплина». Полукриминал да олигархи вряд ли в открытую против пойдут, спишут как непроизводительные расходы. Ну, постреляют десяток-другой особо скурвившихся, только это сейчас особо не проканиает, тут все спецслужбы носом землю рыть будут, чтобы свою преданность доказать.

Только вот у победившей партии недостаток есть. Как только всё захватит, так считает, что это до скончания веков, а потому очень скоро теряет нюх, способность бороться и даже от простых, совсем не сильных толчков разваливается. В принципе, именно так и произошло с коммунистами в Советском Союзе. Ведь восемнадцать миллионов их было; вся власть, армия, спецслужбы в их руках! А когда объявили об отлучении их от власти, ни один на баррикады не вышел, весь пыл ушел на защиту собственных задниц и разворовывание остатков партийного пирога... А сейчас у нас народ больно ушлый стал. Как только, предположим, ты выдвинул программу, что-то реально делать начал, так сразу часть этих молодчиков тебя ругать начнет, причем самым наглым образом, а часть к себе затащить постарается. Зная твою натуру, кроме мордобоев дальнейшее, увы, ничего не сулит... Да еще и власти ввяжутся, антигосударственные мотивы найдут. Нет уж, лучше не надо! Мой тебе совет: вспомни картину «Кавказская пленница», как там Вицин на фарфоровых кошках тренировался. Вот и ты так же – найди какое-нибудь небольшое поселение или район, где о партстроительстве ничего не слышали, и попробуй их организовать. Почти сто процентов, что ничего путного не получится. – А что, – задумчиво произнес Стас, – может, все же и прямо попробовать?

– Да пошутил я, – у Дениса возникли какие-то смутные подозрения, что он был понят не совсем так, как хотелось бы. – Ну зачем тебе валить лишнюю хворобу на свою голову?! Давай, лучше по горам походи, отвлекись, нельзя же все о делах да о делах.

– Слушай, Диня, – Стас наморщил лоб, – есть еще один серьезный вопрос. Вот я тут прочитал, что этот самый Непал – ну очень бедная страна, там от голода народ мрет, как мухи на липучке; а храмы свои они покрывают листами чистого золота, да еще драгоценные камешки туда ставят! Как это у них совмещается?– Действительно, это так, – подтвердил Денис – на главном храме у них то ли восемьдесят, то ли сто двадцать кило золота, да вдобавок больше двух тысяч камней драгоценных разных. И никто их не трогает, настолько сильны принципы их варианта буддийской веры. Они ведь считают, что все происходящее – это как бы нереально, – сон (или «майя» по-ихнему). Вот потому спокойно ко всем этим вещам и относятся. С другой стороны, товарные отношения, то есть деньги, у них такой уж существенной роли не играют; куда более популярен натуральный обмен: еду на одежду или наоборот. А ежели лишнее что появилось, то ли король, то ли те же буддийские монахи изымают. Если даже что-то спереть, то, во-первых, не продать, во-вторых, сразу вычислят и тут уж живыми ни сам вор, ни его семья не останутся, да еще позор всему роду. Вот и не трогают! – Ну, натурально, дикари, – возмутился Стас, – даже любопытно посмотреть на них будет.

* * *

Когда Денис и Стоматолог подъехали, все остальные уже были в сборе. Несколько ошарашивал подготовленный для братков модифицированный «Неоплан», раскрашенный в ядовито-яркие цвета с надписью «Атомэнерггеолого-разведка» и несколькими значками радиоактивной опасности (круг из трех желтых секторов с центральной желтой частью). Нефтяник показал и вручил шоферам и сопровождающему соответствующие официальные документы, на всех ящиках, забивших все отведенные для них места, были пломбы и значки этой самой радиационной опасности и куча всяких других значков, из которых наиболее знакомыми для путешественников были зонтик и большая рюмка. В документе на груз было записано, что это приборы, содержащие радиоактивные изотопы, и их вскрытие категорически запрещено.

Последние минуты перед отъездом, когда уже все, что надо, сказано, а народ в мыслях движется к намеченной цели, проходят достаточно бестолково и долго. Братва сосредоточенно курила, смотрела на свои хронометры, сверяла минуты и секунды, глубокомысленно вздыхала и переминалась с ноги на ногу. Все мысленно прикидывали, не забыли ли они что-нибудь, но существенное на ум не шло. Жены и дети, прибывшие на это мероприятие, уже разъехались и пока еще не придумали, что бы еще пожелать по мобилам. Антон напоследок осмотрел экипированную по высшему разряду группу и остался весьма доволен. «Такой командой не стыдно было бы выехать на любое международное первенство по любому виду спорта, требующему силу и мужество, и, естественно, завоевать победу», – подумал он.

– Ну, так что же, братцы, – подвел Антон итог, – время выезда подошло, так это, как говорится, по коням и всем только успехов!

Братки по очереди торжественно подходили к Антону, Толику, Денису и весьма поредевшему коллективу остающихся, просили не забывать, звонить, если что, обещали вести себя примерно и, как только появится возможность (о чем им должен был сообщить Антон), вернуться домой. Картинка была столь умильной, что напоминала отъезд пионеров в поход по местам трудовой и боевой славы, как было в то время, когда все эти бугаи были еще нежными детьми, правда, с уже формирующимися наклонностями к проведению самостоятельных и не всегда одобряемых взрослыми деяний. Все сели в автобус, и колонна плавно выехала из ворот под помахивание платочком Светочки и салют из стартового пистолета, который не мог не произвести глубоко потрясенный случившимся Гугуцэ.

Делать дальше было вроде бы уже нечего, и Денис, благо это происходило недалеко от дома родителей, решил их навестить.

Выслушав ритуальное заявление о том, что редко заходит, и получив ряд ценных советов о том, как надо питаться, дышать воздухом и так далее, Денис подсел к рабочему столу Александра Николаевича, где отец работал то ли над текстом очередной статьи, то ли над своим новым изобретением. Часто это было и тем и другим.

Поговорили о разных мелких бытовых проблемах, связанных с ремонтом и перестройкой дачи, с видами на урожай и других домашними заботами, потом плавно перешли к международным. После проводов соратников по строительству не совсем цивилизованного капитализма в России Дениса потянуло, как минимум, на глобальные обобщения. Проект строительства магистрали, связывающей всю Европу, а в дальнейшем и Азию, о котором он говорил с отцом и который нашел одобрение и поддержку у Антона, начал потихоньку обрастать и научными обоснованиями, и реальными действиями, о чем он не преминул сообщить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.